

Ирина Солодченко

Муха на ветровом стекле

There are flies on the windscreen

For a start

Reminding us

We could be torn apart

Tonight

Depeche Mode

Часть первая. С бубной под углом в 30 градусов

Мрачный коридор казался бесконечным. Многочисленные ответвления во всяческие подсобки и глухие тупики требовали немедленного исследования, прощупывания, вынюхивания, взглядывания и прослушивания. Тусклый свет от засиженных мухами редких лампочек не обеспечивал полной видимости, и особенно настораживала застывшая вязкая тишина, витающая в бесконечных закоулках. Безмолвие — отнюдь не признак безопасности. Привычные звуки успокаивают, в то время как абсолютное затишье нагнетает чувство тревоги. Раньше он думал, что

спящие собаки поднимают ухо, реагируя на непривычные звуки, но теперь, когда сам стал сторожевым псом, точно знает, что таким образом животные стараются лишний раз удостовериться, что вокруг — все как всегда.

Вроде и магазинчик небольшой, но по количеству мелких помещений похож на соты в улье. Попробуй за всем уследи. И как всякий новичок, он старался ничего не пропустить: усердно дергал ручки дверей, заглядывал во все углы, подсобки, изгибы, извилины и загогулины, стараясь учуять незнакомые запахи.

Охранник — вторая по распространенности после менеджера профессия в Украине. На каждое здание требуется сторож, и даже пересічні громадяни нередко усаживают консьержек у входа в свои облупленные подъезды. В бытность поиска работы ему как-то предложили посидеть рядом с такой подъездной теткой в качестве секьюрити. Он тогда еще удивился: типа, не многовато ли двоих на одно рабочее место? Но ему популярно объяснили, что мордovorоты обычно говорить не научены, и лучше эти функции разделить. Ему терпеливо растолковали, что он не такой уж и барбос, и из этой пары вакансий может претендовать разве что на позицию консьержа, которая, кстати, не совсем и вакантная, а точнее — совсем не вакантная.

Привычка   тщательнейшим   образом

заглядывать во все углы появилась с тех пор, как пару недель назад он обнаружил в одном из этих гребаных закоулков бомжа. Мужик лет пятидесяти (а может и меньше, кто знает?) разлегся, забившись под батарею в подсобке второго этажа. И не таким уж помойным выглядел тот апатрид. Вполне возможно это был начинающий бездомный. Но на улице свирепствовал жуткий мороз, и бомжара, которому каким-то чудом посчастливилось незаметно пробраться в подсобку, находился на вершине блаженства. На какое-то мгновение стало даже жаль чувака, но от мысли, что кто-то узнает о постороннем на охраняемой территории, волосы зашевелились на голове... Немедленное увольнение с волчьим билетом.

Оборот все еще лежал под батареей, не ведая, что через считанные минуты ему придется снова рысачить на собачьем холоде в поисках другого пристанища. Блеклый свет от грязной лампочки давал возможность рассмотреть пятидневную щетину и крупные бордовые прожилки на лице, давно нестиранные ватные штаны и вытянутый, когда-то лилового цвета вязаный свитер. Рядом валялись небрежно брошенная черная стеганая куртка и аккуратно приставленная к стене клетчатая сумка. Мужик нагло похрапывал, наслаждаясь теплом...

Брезгливо дотронувшись носком кожаного

ботинка до кудрявой, давно немытой головы, охранник тут же отпрянул в сторону. Но тело и не думало шевелиться. Мелькнувшая было мысль позвать кого-то на помощь, сразу же отлетела в космос... Лучше провести операцию без свидетелей.

И тут непрошенный гость по-армейски резко вскочил, выпрямившись во весь свой почти двухметровый рост.

— Мужик, ты... это... Ты того... Давай... Не безобразничай... — протянул охранник, испуганно отступив к стене.

А бичара тупо смотрел своими сонными черными глазами куда-то вдаль, постепенно осознавая, что лафа позади, и не за горами суровые бомжацкие будни на двадцатиградусном морозе. Пришлось даже подождать, пока до верзилы дойдет реальность происходящего. Накалять обстановку не в общих интересах. Все надо решать быстро, мирно и бесшумно. Тут одна проблема: как вывести чудака вне поля зрения камер? В голове зароились всевозможные идеи... Если поднять гвалт, тогда он сдаст предыдущую смену, не выловившую постороннего перед закрытием. Сделать все по-тихому — подставить себя...

— Мужик, ты как сюда пробрался? — спросил шепотом, ненавидя себя за предательски трусливую хрипоту в горле.

— А ти... хто? — выдохнул бомж скорей удивленно.

— Охранник я ...Ты давай... Ты того... Как сюда зашел, так и выходи... Понял?

— Поняв... Чого ж не поняв?...

И как бы спохватившись, мужик на что-то надеясь жалобно проскулил:

— А можна до ранку? Я тихесенько...

— Нет...

Картина — не маслом, а кизяком писанная: гулливер униженно просит шибздика о невозможном...

— Ты давай... Иди откуда пришел... Чтоб никто не видел... А то будет и тебе, и мне...

Бомж нехотя натянул на себя свою замасленную куртку и привычно-жалостливо захныкал:

— Холодрига на вулиці... Я тут тихенько... Пиздець там, захворію я...

— Нельзя, мужик... Ты того... Иди, давай...

Черт... Три месяца в охране, а уже такая деградация. Мало что заладил «мужика», еще и тыкает незнакомому человеку... Хотя... Тут не до этикета.

Наконец до бродяги дошло, что судьба неумолима, и, подхватив свою огромную клеенчатую сумку, он уверенно зашагал коридорными *либирингами* прямехонько к задней

двери, выходявшей во внутренний дворик.

Перед тем как шагнуть в белую мглу, божь немного потоптался напоследок, и уже ни на что не надеясь, а больше для проформы пискливо-сострадательно прогундосил:

— Я тут посиджу до ранку... До вокзалу далеко... Змерзну...

— Нельзя, мужик... Иди с Богом... Скажи спасибо, что милицию не вызвал...

И решительно закрыв двери на замок, охранник с облегчением вздохнул и продолжил обход помещений. Деловито подергал ручки на дверях и преувеличенно внимательно осмотрел печати и пломбы, исправность охранно-пожарной сигнализации, видеонаблюдения. Потом со значением проверил наличие средств пожаротушения в подсобном помещении...

Но что-то не давало покоя... Что-то засело занозой в мозгу и заставляло оглядываться украдкой по сторонам. Стараясь отмахнуться от этой занозы, охранник еще более тщательно подергал ручки, еще внимательней взгляделся в темные закоулки.

И вдруг, сорвавшись с места в карьер, метнулся к задней двери и выглянул в окно.

На улице вьюжила пурга. Снег кружился в воздухе, струился поземкой на сером асфальте... Крыльцо пустовало, и только еле видимые следы от

огромных ботинок вели за угол здания. Подождав минут пять пока метель окончательно не замела отпечатки чужих ног, он неспешно побрел в сторону подсобки. В голове крутилось: «Ничего... Куртка теплой моей... Пробьется... А если что... Я не при делах... Вон сколько в селах заброшенных хат. Посади огородик и будет тебе еда и жилье. Так нет... Бродяжничать — лучше... Спать под заборами им веселей!».

.... Утром охранник сдал свою смену, а в журнале твердой рукой записал: «Дежурство прошло без происшествий». Это был риск. Возможно, камеры зафиксировали его проступок. Но он не мог поступить иначе. По инструкции следовало немедленно вызвать службу безопасности, а это было чревато еще худшими последствиями. «Проникновение на территорию частной собственности». В данном случае он поступил достаточно благородно. Вся его вина только в том, что он тыкал бомжу и называл его мужиком. Но это скорее провинность, и на грех не тянет.

Не хватало потерять работу из-за ... из-за ... из-за ... неизвестно кого!..

А ему сейчас очень нужна эта работа.

И было бы тупо терять ее из-за какого-то бродяги.

Вся жизнь — как несколько тусклых вспышек. Невозможно представить свое существование как единое целое, как нечто более-менее связанное. Жизнь — как песня, слова в которых он никогда не различал. Всегда считал, что любая песня — это только мелодия с невнятным набором слов. Также и бытие его представляло сплошной монотонный фон с некоторыми вкраплениями матовых озарений. Детали жизненных перипетий если и вспоминались, то только в том случае, когда они попадали в зону вспышек. И тогда с некоторой долей уверенности можно было сказать: «Да... Что-то припоминаю...». А не забывался только последний год. Все остальное складывалось в архив, укладывалось надежно на пыльную полку памяти и доставалось оттуда крайне редко.

Сегодня 23 февраля 2012 года. Посреди каптерки — накрытый всякими яствами стол, который женская половина магазина устроила в качестве презента. На штат в 50 сотрудников — мужиков всего-то десяток: 4 охранника, два грузчика и пара-тройка водителей. Кассирши, бухгалтерши, уборщицы, руководство — все сплошь бабье, если называть вещи своими именами. И это бабье завалило праздничный стол мерзкими майонезными салатами.

Однообразный гул витает в небольшом душном помещении... Завскладом Зоя Корытченко торжественно вносит на овальном расписном блюде жирнящего печеного гуся. Народ одобрительно загудел, а у него зубы заломило от этой каждый год повторяющейся тоски... Меняется только антураж, а не суть происходящего. Прошлогодний «мужской» день проистекал в офисе: как бы в другой обстановке, но с тем же унылым наполнением и содержанием. Разве что побольше деликатесов на праздничном столе, а так — все то же самое. Те же бодряцкие поздравления в духе: «... мы за вашими спинами хотели бы укрыться, да не всегда получается, но мы все еще, несмотря ни на что, не оставляем надежды..» и т. д. и т. п. Вот это «несмотря ни на что», кстати, и напрягало. Если не тренькнет какая «несмотря ни на что», так выдержит ТАКУЮ паузу и ТАК про это подумает, что на потолке огненными буквами загорается: **НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО...**

Хотя в торговле, надо признать, публика, конечно, попроще, и празднества тут легко сливаются с очередными попойками. Поэтому пока память не стерла прошлогодний 23 февраля (а завтра она уж точно забросит его в архив рядом с другим барахлом), то можно с удовлетворением отметить плавное скольжение вниз по служебной лестнице. Объявив себя downshifter-ом, он с

удовольствием катится по наклонной под комфортным для себя углом 30 градусов. И результат — налицо: если год назад «несмотря ни на что» ворковали костлявые блондинки, шелестя шелковыми брючными костюмами на фоне светлого чистого офиса с огромными пластиковыми окнами, то сегодня — любо-дорого поглядеть. Ныне пресловутое «несмотря ни на что» гундосят румяные толстухи, матерком сопровождающими свою речь и считающие его завидным «женихом». В то время как офисных худышек разве что приятной внешностью удавалось затянуть в свои сети, а не разгильдяйством, чтобы не сказать хуже.

А наружностью Бог не обидел. Пацанячья кликуха — Лорд. Хотя... был ли вообще теперешний охранник трапезного магазинчика пацаном? Походу так и родился небритым, в просторном офисе с пластиковыми окнами 23 февраля 2011 года с худосочными девицами в роли акушерок.

После полстакана водки воспоминания резко пододвигаются к дверям ментального хранилища... Вот старший администратор торгового зала Валя. Очень пытаюсь *пондравиться*, Валя подчеркнуто заботливо подкладывает в его тарелку оливье... Толстуха давно стреляет заплывшими мигалками... Заполучить внимание такого красавчег, да еще и образованного — престиж...

Но кругом все такое же банальное, как и оливье. Валя еще не знает, что он — Лорд. А Лорды не жрут майонезные салаты.

— Bitte leiten Sie mir das Brot.

Недалеко развитая администраторша выпучила глаза.

— Пардон, нынче я говорю на немецком, — пришлось объяснить. — Как в семье Ленина.

— Ты знаешь немецкий?

— А у меня жена немка.

Валины глаза медленно превращаются в тарелки.

— А что здесь удивительного? — бросил устало, как само собой разумеющееся. — Сейчас у всех жены — немки...

Пока соседка по застолью приходит в себя, есть возможность поразмышлять, откуда он такой взялся. Родители родом из украинского села, но мама, что называется — тонкая кость, да и отца Бог не обидел внешними данными. Прабабушка по материнской линии была реальная немка из переселенцев, и сын ее «имел светлую голову», как гордо выражалась мама. Дед считал в уме все зерно на току, удерживая цифры в своей золотой голове. А бабка — вообще отдельная история... Первая красавица на селе, но с хозяйственными навычками обратно пропорциональными своей beauty... Совершенно не приспособленная к сельской жизни,

она хозяйка была никакая, зато сельские хлопцы ей проходу не давали. По папиной линии он унаследовал верхнеднепровско-ильменский антропологический тип из Великого Княжества Литовского.

Вот только Лордом его давно никто не называл... Разве что друг детства Толяныч иногда... Да и то саркастически...

... Эх... Сегодняшний день никак не войдет в зону вспышки. Ведь озаряются обычно какие-то глобальные перемены. Ну там свадьба, рождение детей, развод, переезд, смена работы. К тому же он катится по наклонной, вот в чем дело. А нельзя так сразу — из князи в грязи. Надо постепенно, мало-помалу привыкать к новому состоянию. Кстати, свадьбы с юбилеями всегда казались какими-то бабскими достижениями... Для нормального мужика вся эта лабуда — только фон. А для него почему-то эти события являются эпическими. И когда вся эта философия вырисовалась в голове, тогда мозг и выдал эту самую пресловутую наклонную. Угол падения высчитал сам и теперь ждал, чем все закончится.

... Наклонная — трагедия для семьи («с ума сошел, дурак? сам ушел? не выгнали? а кто будет оплачивать счета? как теперь жить будем?»), а для него этот шаг сродни выходу в космос. Хотя супруга, безусловно, права насчет газа, воды и

отопления. Счета душат за горло... Между прочим, Толяныч (друг детства и рьяный поклонник теории неорабства), считает, что таким образом народ держат в неволе, и в недалеком будущем подавляющее число жителей Украины станут арендаторами. «Это при Советах вы худо-бедно нахватались жилья, а почитай классиков: почти все горожане снимали жилье у собственников. По статистике сейчас в Киеве каждая 10 квартира покупается в целях последующей сдачи в аренду».

Отлично... Есть бабло — покупаешь недвижимость и живешь в свое удовольствие. А народ загоняют в финансовую кабалу, навязывая так называемые «стандарты общества», на которые ты пытаешься заработать, а в реале — это бег по кругу. Твои родители тянутся из последних сил, оплачивая твоё обучение и лечение только для того, чтобы впихнуть тебя в эту систему. Попутно с детского сада идет обработка мозгов: кто побогаче — вундеркинды, а бедные — сами виноваты. Через книги, телевидение тебе впаривают т. н. систему ценностей. «Посмотри, — говорит Толяныч, — уже никто не возмущается, что на телевидении крутятся миллионы. Этот ведущий — миллионер, потому что он самородок, а не потому что как попка повторяет то, что ему шепчут в микрофон. Расслоение — огромное, но пиплам впаривают, что это норма. Ты, главное, работай и оплачивай счета. А это и есть

неорабство. Если вертишься вместе с нами, ты — винтик, ты — наш. Ты заводишь семью, платишь по счетам деньги, которые через цепочку посредников ведут к обогащению миллионеров, и рождаешь новые винтики. Классовое разделение общества никуда не делось. Оно трансформировалось. Появились новые рабовладельцы и новые рабы. Впереди окончательное формирование нового рабовладельческого строя и предпосылки этому налицо». Такая вот у Толяныча пессимистическая теория.

Хотя квартира — это да... Единственная недвижимость. Наследства — то недолет, то перелет. Как-то так случилось, что все загребли под себя более предприимчивые родственнички. Да и не родственнички тоже. Были дома, депозиты, жилплощадь, но все пролетело как фанера над Парижем. Теща решила, что выбив на заводе двухкомнатную квартиру, в которой они сейчас обитают, она сделала все возможное и вложила остальное семейное добро в свою младшую дочь Ленку от первого брака. А это ни много ни мало — шикарный двухэтажный дом, какие-то квартиры одиноких тетей и зажившихся на белом свете двоюродных прабабушек. А Ленка была бездетной, сильно болела, а потом сошлась с каким-то мутным чувачком Вовой Изотькой и пару лет назад отошла в мир иной. То есть, Вова оказался не дурак,

вовремя просек ситуацию и весьма удачно унаследовал все, что несколько чуждых ему поколений наживали веками. Получается, что несколько родов и колен жили и трудились ради пройдохи Изотьки. Вот такая была теща, Господи-прости-земля-ей-пухом.

А батьківщину жены прибрала к рукам земельная мафия. Хата в центре города долгое время пустовала, и теща все собиралась ее продать, но руки не доходили. А тут еще и соседка осталась одна: родители умерли, а дочь вышла замуж и съехала. И эту соседку вычислил Вася Морозов со своей дочкой-нотариусом Олесей Васильевной. И Вася угрозами вынудил бедную женщину продать дом за бесценок. Со временем Вася накинуд глаз и на сопредельный участок и принялся обрабатывать тещу. А та ссылалась на брата-совладельца, с которым она не разговаривала лет 30 из-за этой хаты. И тогда тещу, как старшую дружку, усадили в машину, и она указала черным риэлторам дорогу. И пока брата обрабатывали, старуха просто сидела в машине и ждала. Естественно никаких денег теща при жизни не увидела. Все прокручивалось втихаря, и вскорости жертва черных риэлторов померла от депрессии, успев перед смертью прошептать дочке про свои зловключения. И судя по одноклассникам, у Васи все отлично. Гром его не разразил, жив-здоров, живет в Ялте и жрет шашлыки.

... — А я на выходных сбегала с утраца на базар, — щебечет Валя недавно принятой носатой кассирше. — Да, на тот базар... На Северный... Купила картошечки, морковки, курочку желтенькую, домашнюю. А тут меня кто-то за рукав — дерг! Смотрю — Милка. Работали вместе на радиозаводе. Такая цаца стала! В норковом манто! Вышла замуж, и так гордо: мой муж то, мой муж се, мой муж не любит то, мой муж не любит се. А еще недавно с дырками на локтях ходила... Да... Потом прибежала домой, сварила супчик. Положила туда картошечки, морковку, зажарочку сделала. Поела... А тут звонок! В дверь... Да, пришел Лешка, а я ему — хоп! Супчик и пюрешку с курочкой. Он поел, говорит: «Моя такого никогда не приготовит». Ой, она у него такая грязнуля, вечно голодный ходит. Да... я ему пуговку пришила, а потом говорю: в следующий раз пусть тебе ТВОЯ пришивает! А то, как пожрать — так ко мне, а как с командировки, так сразу домой.

Интересно, что в офисах больше холостячек, чем тут, в низах. «Offices full of single girls in their thirties — fine physical specimens...But they just can't seem to hold down a chap». Видимо, трудящиеся массы как-то лучше приспособляются к реалиям жизни, более практичны, что ли. Может, потому что принципов поменьше?

...Недавно пытался высчитать по времени,

когда же уже, наконец, дно этой проклятой пропасти. Брал по катету сантиметр в год, но просчитался в гипотенузе. Хотя, если одумается, то вверх ползти гораздо сложнее, потому как треугольник-то скользкий, слегка маслом смазанный. Можно, конечно, выцарапать зазубрины или кошки нацепить, а сверху вдруг и веревку кто кинет... Но нет. Пока он в ожидании знака свыше. Неясного, невразумительного намека от судьбы... Что-то та будет... Кто-то или что-то подскажет в каком направлении двигаться дальше...

Потому что сегодняшнее существование не имеет никакого смысла.

Пока еще помнишь этот год, так опять же... Вспоминать-то особо и нечего.... С женой не ссорились, а просто перешли в параллельное сожительство, сопровождаемое непонятным поведением дочери. Девке недавно исполнилось 22. Внешне — вылитая мать: невысокая, ширококостная, пухлая и мало чему удивляющаяся...

Хлопнул еще полстакана водки, и Валя показалась даже милой. Неужели спивается? Тихо выскользнув из-за стола, направился к выходу.

Во внутреннем дворике легче обдумать мелькнувшую мысль «зачем так жить, если все скоро забудется». А на улице — *стужа холодная* ... Небо, покрытое серыми кляксами облаков,

угрожало свалиться прямо на голову... Обычный двор обычного магазина... Кругом все заставлено тарой, грузчики снуют туда-сюда... Но даже в такой обстановке внутренний дворик создает иллюзию свободы. Пьяная толпа с жирными гусями и майонезами осталась за спиной. А на свежем воздухе мысли летают по голове, как воробьи.

Голова-то пустая... Архивы — в закоулках, так что думай, сколько душа пожелает...

И минут через пять на гора вылезает мудрость, которая в здравом уме никак не формулировалась. *«Надо жить так, чтобы не ждать, чтобы поскорей что-то прошло. Потому что за этим «поскорей» летит жизнь. Надо жить так, чтобы каждый день был длинным, как в детстве».*

... И тут на крыльцо явилась Валя... И сразу запахло селедкой с химикатами... Добрая Валя... Со шлейфом селедки... Наверное, щас потащит его в свой кабинетик... Почему нет? Как можно отказать такой славной и восхитительной... барышне?

2

Нежданно все полетело шкереберть. Казалось бы и так хреново, куда еще хуже? А оказывается, жизнь до этого была не так и плоха. А сегодня

утром похоронил сестру.

Эх, Лариска, Лариска... В семье издавна повелось добавлять букву «к» в имена родственников: дядька Степка, тетка Шурка, дед Сашка, сестра Лариска... Он даже племянницу Машку когда-то спросил, нет ли у нее этой семейной привычки? Но та божилась, что величает любимого дядю исключительно уважительно, а если по правде, то пыталась, но в его имя если и вставишь букву «к», то выходит даже нежно. Машка, Машка... Вся в дядю: астеничного телосложения, высокая, хрупкая... Единственно, что портит девушку — выпуклые глаза с мигательной перепонкой, унаследованные от кацапского папаши.

Сейчас ночь... За стеклом — редкие светящиеся окна... За этими окнами живут счастливые люди... У них все ок. Так всегда кажется, когда тебе хреново. А когда тебе хорошо, то до *лампочкиной грамоты*, как там и что за чужими окнами. Еще одна мудрость дня...

Ночная кухня — отдушина... Целых 12 квадратных метров, где тебя никто не *гвоздит*. Можно спокойно посмотреть маленький древний черно-белый телевизор, почитать газету, послушать радио. Да что угодно можно делать! Даже руки потер от удовольствия, услышав звук уютно шипящего чайника...

Сейчас это его территория и его время. Как раз любимый сериал «Счастливы вместе». И усевшись поудобнее на *диване типа отдыхающих*, он с наслаждением закурил сигарету. На стекле отразился благородный профиль интеллигентного сорокапятилетнего мужчины... Немного согнулся, чтобы стряхнуть пепел, как враз защемило сердце. Так же и сестра его любила восседать на своем высоком стуле у окна, попыхивая «Примой». Облокачиваясь о подоконник и немного согнувшись, Лариска ревниво отслеживала жизнь за окном, фиксируя кто, куда и зачем. Одутловатая, с пропитым лицом и ужасными ногами в кровавых узлах — так выглядела сеструха в свои последние годы... Выкапаная дочка Брежнева (никогда не умел описывать людей... спросят бывало: как кто-то там выглядит? И полный ступор... Потом решил: зачем что-то выдумывать в век телевидения? Так вот, Лариска — выкапаная Галина Брежнева). С третьего этажа было очень удобно наблюдать за жизнью двора. Вот Тылычка с первого этажа развешивает белье... Всю жизнь барыней просидела на лавочке и никогда нигде не работала. А там неспешно бредут в магазин Томка с пятого и Ленка со второго. Иногда Лариска что-то кричит бывшим подружкам через окно, но те испуганно оборачиваются и ускоряют шаг. Последние два года только собутыльники украдкой

пробираются через всегда открытую дверь... Эх, сестрица, сестрица... Как так случилось? Кто виноват? Жорик, сваливший к какой-то молодой? Черт... Конечно, надо было уделять сестре больше внимания. Хотя... какое там внимание, если человек пошел под откос по доброй воле? А откос — это тебе не 30 градусов. Откос это как детская горка, полетел и сразу в ямку. Сколько раз пытались всем миром урезонивать, но Лариска только помалкивала, изредка лукаво улыбаясь... Когда ее долго никто не навещал, сестра радикальными мерами усугубляла ситуацию. Например, полгода назад поскользнулась на грязном полу и три дня лежала на полу крошечной кухоньки, пока ее там не обнаружил последний из дружков колдырь Тутов... Тогда вся родня моментально и съехалась...

... Теперь из того первоначального состава семьи остался он один. Уходят люди, помнившие его маленьким... Добавив в кружку с чаем кипятка, тихонько, на цыпочках, пробрался в комнату за аптечкой. С утра жутко болит голова, надо бы найти анальгин. Из-за двери спальни слышался мощный храп. Хоть кол на голове теши... Похлопает коровьими глазами: а что я сделаю? Ну как-то ж люди стараются... Пытаются себя контролировать, ну я не знаю... Вот те люди за окном, Света, они что-то с этим делают! А тебе по

хрен... Люди за стеклами стараются спать на боку, а если и начнут похрапывать, то вмиг просыпаются от ужасного звука, который они извергают. Если бы ты хотя бы просыпалась от звука собственного храпа и в ужасе переворачивалась бы на бок, клянусь, Света, я бы тебе все простил!..

Вернувшись на кухню, налил в стакан воды из-под новенького блестящего крана и принялся усердно жевать таблетку... И опять подступило... Это у них семейное — жевать таблетки. Не глотать, а именно разжевывать. Так и бабушка жует, и Лариска покойная жевала, и Машка, молодец, тоже жует... Тонкая кость... Девка — огонь, хотя сама из себя прозрачно- хлипкая. На первый взгляд — не от мира сего. Ан нет... Есть в девке стержень. Перебрала от матери торговлю, расширила бизнес и толкает на местном рынке турецкое шмотье. Там же и мужа подходящего себе нашла...

Да... Приятно расположиться на новом диване... Светка таки молодец. Чего есть — не отнимешь. Евроремонт — чисто ее заслуга. Со склада мебель притащила, вытяжку установила, пластиковые трубы — все по последнему слову. Бабла вбухала немерено... Рабочие работали...

А квартира родителей теперь пустая... Пустая... Пустая... Кстати...

И свежая идея пронзила котелок. А почему бы не пожить там какое-то время? Не выпуская тему из

головы, вскочил как ужаленный, и лихорадочно забегал по кухне. Даже дурацкие бантики на оконной занавеске одобрительно заколыхались в такт броуновской беготне. Ведь это и его квартира, если рассудить! Он — любимый дядя, как они все выражались на поминках, а значит надо поговорить с Машкой. Ему-то и надо перекантоваться год-другой, разобраться с собой, со своей жизнью, а там... Мало ли девушек с жилплощадью? Найдет себе пристанище на старости лет... Вокруг до хрена молодых, красивых незамужних телок... Зачем по наклонной? Да он еще всем утрет нос! Понятно, Жорик будет не в восторге от данной концепции... На поминках зятек вскользь упомянул, что как только выплатит коммунальные долги, квартиру сразу продаст... Что ж, юридическое право на стороне Жорика, который с сестрой так официально и не развелся ... Кинув фразу в народ, кацап даже выжал из себя слезу, и, выпив залпом за «земля пухом», с необычайной теплотой в голосе дал понять, что они все еще родственники... «Ведь у Машки больше никого нет, только ты остался, дядя любимый», — прошептал Жорик, плямкая жирными губами. — У Генки, зятя моего, семья большая. Там все друг за дружку, и Машка себя чувствует сиротой прям. Ну, ты понимаешь... Мать — неблагополучная, вечно ей этим в глаза тыкали. А она: «Так зато дядя у меня — почитай лорд, и

батька тоже.... Так что надо бы девку поддержать... Чтобы знали, что и у нее есть семья». И в подтверждение своих слов Жорик пригласил в гости. Шея у Жорика, как у борова. Крепыш из российской глубинки... Всю жизнь автослесарем, и без денег никогда не сидел. Такой вот приземленный практичный парень, похожий на... земноводное. Такие же глаза с перепонками. Хотя в Украине полВерховной Рады с такими рожами, но как-то за образец никто не припоминался. А земноводное — это да. Такой Жорик весь из себя плотненький, а голова относительно небольшая, обтекаемой формы, и когда он чем-то недоволен, то старается втянуть голову в туловище, как в панцирь. Глаза — щелки, фактически одни зрачки между широкими верхними и нижними веками и мигательной перепонкой. Своего не упустит... Извини, Жорик, но не вижу я себя у тебя в гостях. Ну продемонстрируешь ты мне свой огород, ну похожу я за тобой, обреченно приговаривая: «О да! Ты, Жорик, молодец! Ты умеешь крутиться!..Ты своего не упустишь!».

А на самом деле, по хрен мне все это твое хозяйство вместе с твоей молодухой.

... Но мысль уже не остановить. Эту двушку родители получили от завода. Потом он уехал учиться в КПИ, и, по сути, съехал, потому что, вернувшись в город после дипломирования, сразу

же ушел вприими. Потом умер отец. А компанейской и доброй Лариске долго не удавалось найти себе пару. Ну никак у нее с парнями не срасталось... Пока, наконец, на горизонте не вырисовался Жорик Редькин («кохайтеся, чорнобриві та не з москалями»), и тогда мать им предложила такой вариант: пока живите у меня, но Жорик пусть из общаги не выписывается, и тогда вам дадут малосемейку. Но Жорик не хотел малосемейку на краю города, а поставил вопрос ребром — или прописывайте или гудбай. Засидевшаяся в девках сеструха упала матери в ноги: пропиши...

И та дрогнула... Потом родилась Машка, и эта троица выдавила теперь уже ненужную бабушку в село, создав ей невыносимую жизнь...

Эх, надо будет поговорить с племяшкой. Хоть напоследок пожить своей жизнью... Отдельно от всех... Тут, конечно, евроремонт, удобно, хорошо, сытно, но... Годы утекают как песок сквозь пальцы. Это сегодня 45, а завтра? А завтра — кердык. В Украине мужики долго не живут.... Сделает там косметический ремонт... На Жорика надежды нет, но Машка!.. Машка не меркантильная... Машка добрая... Одной крови. Кто с ним на кладбище каждый год ездит к родителям? Машка! С кем по душам поговорить? С ней же! И даже руки зачесались навести в родительской квартире

порядок, что-то подремонтировать, подрихтовать...

... Вдруг словил себя на том, что сидит, согнувшись, как солдат в окопе, обнимая ладонями эмалированную кружку с горячим чаем... Странно... Что за предчувствия? Войны нет и не предвидится. Какие окопы? Украина — мирнейшее государство. С кем воевать?

И облокотившись на спинку мягкого дивана, опять предался воспоминаниям.

... Когда три года назад Жорик переехал к своей молодой жене, Лариска резко сдала. От стресса у нее случился диабет, на ногах повылазили жилы... И не нашла ничего лучшего, как попить. Короче, пошла вразнос. И раньше не равнодушная к рюмке (почти 20 лет на рынке, а там это первое дело), взялась теперь за это дело всерьез. И постепенно из жизнерадостной, общительной и в принципе остроумной женщины образовалась саркастическая толстая старуха.

Конечно, на произвол ее не бросали. Машка к тому времени жила у мужа, да и Жорик аккуратно навещал, приносил еду и деньги... Иногда, после очередной травмы и брата звали, чтобы организовать доставку в больницу. Тучное тело немолодой женщины надо было снести с 5 этажа хрущевки, потом возить на каталке от рентгена к врачу, от врача на рентген. Как-то зайдя в палату, он увидел ту самую веселую и смешливую Лариску

из далекой юности. Рассказывая сопалатницам истории из своей жизни, она вся светилась от счастья и, по-видимому, чувствовала себя на последних «гастролях».

Черт... А ведь так и говорила: «Я умру, а вы, сволочи, все соберетесь на моих похоронах». Так и случилось... А бабушке о ее смерти до сих пор не сообщили. Зачем?

Заплющив очі і згадав...

Сестра — весела, життєрадісна погануля, а він поруч — гарний сором'язливий хлопчина, якогось дідька напханий комплексами. Влітку їх відвозили до бабусі на село. Тієї самої бабусі, якій наразі 92 роки, а вона ще картоплю саджала минулої весни. Старе кишло із дверима, розділеними навпіл. Дуже зручно: нижня зачинена половинка заважає домашнім тваринам перестрибнути, і дуже зручно «стріляти» звідти з дерев'яної рушниці по курям і гусакам. Коло причілка — широка лава, де батько завжди спав улітку. У хаті 2 кімнатки. У більшій — високе ліжко з периною. На стелі — сволок. Піч, яку він не пам'ятав розпаленою, бо взимку у бабусі звичайно не гостював. Стріха з мишами. Лише перед своєю смертю батько накрив хату шифером. Найулюбленіша справа малого — ганятися з «рушницею» за півнем. І колись таки дочекався помсти: підстерігши «неозброєного» ворога, когут накинувся на нього і якби не бабуся — заклював би

на смерть.

Старша на 10 років сестра щовечора тікала до клубу на танці, а він залишався з бабусею. По стінах розвішані старі фотографії і написи в рамках. А він, маля зовсім, вмостившись зручненько на ліжковій намагається читати: «Б...о...г е...с...т...ь л...ю...б...о...в...ь».

— Бог єсть любов... — допомагає бабуся.

— А хто такий Бог?

Стара лагідно посміхається й знижує голос.

— А батькові не розкажеш?

Тато в Бога не вірує. Якщо довідається, лиха не оберешся. І бабуся тихесенько повістує, що Бог — це такий.... Тут вона й сама запинається й лізе до скрині за допомогою. У хаті їх дві — дерев'яні, з металевими скобами й засувками. Не раз він малим туди лазив і довгенько сидів на дбайливо складених різнокольорових накидках, вибитих скатертинах та плахіттях... Мама якось розповідала страшну історію, як один хлопчик заліз до скрині, а ляда закрилася, і той малий удушився... Нещодавно мама витягла з цієї скрині старе шмаття й змушувала бабусю його вдягти.

— Коли ви це збираєтесь носити? Помрете й не зносите. Нàшо ви це зберігаєте?

Та виявляється, під лахміттям є ще й книга. БІБЛІЯ.

— Бог — це такий... — намагається бабуся

пояснити і сама заплутується.

— Людина? — допомагає онучок.

— Та ні... Не людина...

— То хто ж? — силкується докопатися дитина до суті.

- Істота, — нарешті вимовляє бабуся й хреститься з переляку кілька разів на надпис «Бог є любов». Бо і сама жахається того, що вимовила та з того, що перехрестилася. І швидко виправляється. — Ні... Не істота... Надлюдина...

Єдино що зрозумів малий, так те, що Бога треба побоюватися. Через те, що страшний і карає за найменшу провину. Та батько чомусь його не боїться, бо каже, що лякатися треба хіба що людей. Кому вірити? Вкрай заплутали хлопчину ці дорослі...

Назавтра поки бабуся поралася біля свині, малий відхилив ляду... А щоб та випадково не впала, притримав її зігнутою спиною. Зсередини пахтіло цвіллю й нафталіном. Дістав обережненько Біблію, поклав на стіл і відкрив першу сторінку:

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида

царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу»...

Якісь чудернацькі імена... Нетутешні... Чужі... Хто всі ці люди?

А ввечері — безкінечні оповіді, як бабуся пережила війну, як виховувала чотирьох дітей. Довге життя... Чоловіка поховала одразу після війни. Дідусь їхав підводою через міст й перекинувся у річку. Приїхав додому й занедужав. І трясця його охопила... А потім дідові уві сні примарилося, що він упав у колодязь і довго з нього вилазив... І таки видерся! «Тож житиму», — повеселішав чоловіче, а по обіді відійшов...

І бабусина вечірня молитва:

*— Я устал, иду к покою,
Боже, очи мне закрой.
И с любовью будь со мною,
Будь, Хранитель верный мой.
Я сегодня, без сомнения,
Уж виновен пред тобой.
Дай мне всех грехов прощенье,
Телу — сон, душе — покой.*

Тут бабуся замовкає, а він ще деякий час міркував, чим завинив? Ну гуляв із хлопчатами, тер кабачата для гусаків, нарвав вишні на вареники. У

чому ж він винний? Сестра зрозуміло... На танці частенько вечорами збігає, двоюрідний брат Андрійко — на річку, а він — ні... Цілісінький день із бабусею. І за те його люблять. «Слухняний...» — каже бабуся... И пестує стрижену голівку своєю шорсткою долонею.

... Телевизор шипит серым екраном, пачка от сигарет — пустая... Вспомнил про коньяк в шкафчике и дернул с полстакана прямо из горлышка, а потом долил в бутылку чай и поставил назад, чтобы жена сразу не обнаружила подмену. В голове зашумело, колесики завертелись и вытащили на гора давно забытое...

... Черт, проведать бы бабушку, пока не поздно... Последний раз осенью гостевал... Правда, на той неделе звонил узнать, что там и как... «Приїдеш мене ховати», — відповіла старенька з сумом. «Та ви таке вже років сорок кажете... Поживіть ще».

... Бабуся, бабуся... Жінка, яка подарувала йому щасливе сільське дитинство.

... Якось витягла зі скрині своє злежане плаття і чистий фартушок. Потім вимивши замузаний писок онука, наказала вдягнутися у парадне і повела «в собраніє». Це так на селі називаються збори, де співають псалми, які стара ретельно записує в зошит. Сірий товстий шорсткий зошит. Бабуся і вивчилася грамоті винятково

переписуючи псалми. Як-от:

Пророка Аввакума!

*Горе мне! Ибо со мною теперь как — по убор
собрание летнихъ плодовъ, как по уборке
винограда: ни одной ягоды для еды, ни спелаго
плода, котораго жelaеть душа моя...*

Не встигли до собранія зайти, як тіточки
затягли:

*Чудное озеро Генисаретское
С чистой и светлой водой
Ты отражало Христа Назаретского
Весь его образ живой...*

Дивно... Українське село, «хрущі над
вишнями гудуть», а тут жіночки у біленьких
хусточках із блакитними візерунками співають не
про широке могутнє Дніпро, над яким село
шикарно розляглося, а про якесь озеро
Генісаретське, про яке жодна з них не має уяви.

Малого спочатку занудило, та згодом знайшов
собі справу.

*... будем как озеро Генисаретское с чистой и
светлой водой .... — співають жіночки, стоячи на*

колінах і склавши руки на грудях...

... а тут об'єкт — вузлики на фартушках. Смик за один мотузочок! І вузлик чарівно розв'язується. Бабуся мабуть відчула послаблення у попереку та дарма...

*... образ святой ныне он духом своим
посильяеца в наших счастливых сердцах...*

Поки доспівали, тямущий внучок встиг розв'язати майже всі вузлики.

— Уляно... — докірливо захитала головою господиня...

Позапинавши фартушки, селянки зтягли «Сиротку», яку бабуся частенько співала вечорами. І вмить уява вималювала велике старосвітське ліжко з високими металевими бильцями, з якого лунає...

*В стране далекой за океаном
В одном из штатов Америки
Жила малютка с одной мамой
Не зная горя и тоски.*

*Но вот случилось мать заболела
И с миром к Господу отошла
Малютка-дочка осиротела*

Осталась в доме жить одна

*«О, мама, мама!» — она взывала
Зачем оставила ты меня
Нет никого, чтоб я так любила
И утешала как ты меня.*

*И вот собрала она все вещи
И в путь отправилась на вокзал
Найдя тот поезд спокойно села
Никто ей в этом не помешал*

*И вот кондуктор в вагон явился
И стал билеты проверять.*

А ще історія, як він вчив курчат плавати у бочці з водою! І сміх, і гріх...

А бабуся... Поховала вже всіх своїх дітей, а сама бігає, хоч би що. Доглядає за нею двоюрідна племінниця тітка Марфа, яка живе через паркан. Або навпаки... Здається, бабуся доглядає за двоюрідною племінницею. Треба б поїхати та пересвідчитись, хто там кого пильнує.

Обов'язково поїде... Обов'язково...

От лише трохи розбереться зі своїм заплутаним життям...

«По коридору шаркали шаги. Вошла старуха, в руке она держала ночной горшок».

После долгих качаний с боку на бок, кашлянья и сопения Таська наконец-то выползла из-под цветастого стеганого одеяла и неспешно зашаркала в сторону кухни. Такой вот эпитафия дня...

Лежа на шикарной двуспальной кровати с ортопедическими матрасами очень удобно изучать матовый белый потолок. Спальная комната в египетском стиле включает соответствующий мебельный гарнитур, пластиковые окна... Таська даже дизайнерку приглашала, дабы создать все условия для счастливой семейной жизни... И та насовала в углы всякой дряни, типа стеклянных пирамидок, якобы символизирующих домашний очаг. Египетская тема — последний писк жлобской моды. На стенах — огромные, почему-то китайские иероглифы, и черт его знает, что там написано. Может даже ругательства какие... Не спальня, а усыпальница. Жутковато... По утрам для акклиматизации лучше разглядывать потолок... Ведь пирамидки по углам — это цветочки. Главную опасность представляют кошки. Особенно та, что у дверей: спина выгнута, так и норовит цапнуть за ногу, когда хозяин дома пытается ускользнуть из этой гробницы. Исход из спальни — целое испытание. Интересно, что запускает эта черная

тварь спокойно, а выпускает достаточно нервно. Почему? Какого черта эта зеленоглазая скотина всегда так ревниво следит за его действиями? К сожалению, на потолке отсутствует инструкция, как незаметно проскальзывать мимо скульптур египетских кошек. И приходится в который раз подходить к решению проблемы творчески...

А вот фараоны — ребята ненапряжные. Этому унылому на подставке тоже все не нравится, потому и зыркает исподлобья. А Осирис в виде фигурки со сложенными на животе руками, — тот просто прикалывается. С ним он сразу подружился. Осирис не раз подбадривал пленника, и однажды даже так гаркнул на кошку, что та на пару дней затаилась. Оказалось, у парня жизнь тоже была не сахар. У богов — те же методы, что и у коммунистической партии: приказали — вперед, учи землян хлебопашеству. А до этого люди жили-не тужили. Их ведь немного было, и с пропитанием проблем не возникало. Ягоды, грибы, мясо, много ли надо? И кто захочет по доброй воле горбатиться под палящим солнцем? Так началась эра рабовладельческого строя. Войны за землю, за рабов, за души...

Но кошка оказалась страшно злопамятной. Только однажды припечатал ногой, и вот результат... Точно как женщины-начальницы... Пнешь раз — и можешь сразу строчить заявление

по собственному желанию.

Проскрипели двери туалета... Уселась... Любуется новым кафелем тоже в разводах, как и вся кухня. Тася все делает неторопливо, что страшно бесит. Уже минут десять свистит чайник, но как же оторвать глаза от разводов?

Боже, ну можно как-то побыстрей? Но девушку голыми руками не возьмешь... Нервы как канаты. Когда-то пробовал по жизни удивлять супругу — голый Вася. Посмотрит, как корова, похлопает ресницами, кинет безучастно: «Шут гороховый!» и степенно удаляется. Сейчас придется самому бежать к чайнику, потому что ЕГО нервы — это тонкие оголенные провода.

Но как прошмыгнуть мимо кошки?

И такая дребедень каждый день... Каждое утро борьба нервов. Битва тоненького волоска с тросом. Перетягивает, безусловно, канатно-веревочное изделие.

Плавню выходя из туалета, Тася неспешно шаркает сначала к телефону, и только потом (?!!!) — к разрывающемуся свистом чайнику. «Ти сьогодні млява чи жвава? — слышится сиплый голос из прихожей. Это такой ранний ритуал — поинтересоваться у подружки самочувствием. Рассказать, как не спала всю ночь, потому что болела голова, как колело в боку, как под утро, наконец, заснула, а уже пора вставать. И

совместный вечный вердикт: на погоду.

... Тася — это его жена. Изначально нельзя было сочетаться браком с таким именем. Хотя по паспорту она и Света. Но когда охота достать свою, так сказать, сожительницу, называет ее именем, данным родителями. С сегодняшнего дня она — Тася. Так он решил... Это тебе за кошку и за фараона. И за Осириса. За земледелие, за рабство и за мумию на подоконнике. И вообще, чем тебе не угодило имя Тася?...

Полусонная, с растрепанными и пересыпанными сединой кудряшками, в несвежей длинной ночной сорочке wpłyвает благоверная в «Древний Египет» сменить гардероб... Кстати, не мешало бы воспользоваться случаем. И быстро вскочив, на автомате хватая свою одежду, он молнией мчится из «усыпальницы». При хозяйке кошка ведет себя смирно...

Через 5 минут Таська все еще со спутанными волосами, но уже в темно-серой миди-юбке и бирюзовой блузке с рюшами, колдует над чайником.

— Ну что? Сегодня ты жвава чи млява?

Оранжевое солнце так приветливо выползает из-за соседнего дома! И зовет, и манит outside... Куда угодно — на речку, в лес, в поле, только не на работу. Светило проникает сквозь новые занавески в разводах канареечного цвета, которые были бы

даже уместны, если бы не дурацкие бантики по бокам.

— Млява...

Погоди... Что это? Золотистые кудряшки?

— Да уже пару недель... — застенчиво усмехается жена.

Как говорил Марк Рудинштейн, за 15 лет совместной жизни исчерпывается список, по которому можно сказать «я тебя люблю». Старина прав: последние года два даже побаивается целовать свою долгоиграющую супругу, не говоря уже о чем-то большем. Каждый раз такое чувство, будто целует сестру...

— Таська, и мне чай! — неожиданно для самого себя вскрикнул фальцетом.

— Таська на базаре семочками торгует...

— Ну какая из тебя Света? — попытался допечь. — Ты — реально Тася. Света сказала бы «семечками»... Да Света и слова такого не знает «семечки»! Какая пошлость: семечки!

Кто такая жена? Надсмотрщик... Туда не иди, сюда не ходи... Толяныч все объясняет проклятой оседлостью. Взять мир животных. Дома не строят — раз. Вырыл нору, перебежал в другой лес — выкопал другую землянку и ни к чему не привязан. А люди капитальным жильем привязывают себя к местности. Животные постоянно меняют подружек — два. А люди женятся и тем самым сковывают

себя имуществом и заодно пресловутыми семейными ценностями. Нажитое совместно добро приходится делить, а оно часто не делится. Так и живут... И он тоже попал в эту западню. После КПИ направили на завод в родной город, где Таська трудилась табельщицей, а теща — крупным профсоюзным деятелем. Крутнувшись, перед самым развалом страны, маманя успела выбить молодой семье эту квартирку. Даже если и соберешь силы на развод, то куда уходить? В никуда... Две однокомнатные на двушку не купишь. Тем более, еще есть Илонка.

... Пока был менеджером, как-то терпели для мебели, а теперь, когда покатился по наклонной, отец семейства — никто. Ну надоело ему менеджером! Ну хочется попробовать чего-то другого! Так нет. Под соусом «кормить семью» ОБЯЗАН горбатиться. Таська тоже не всегда такая отмороженная. Иногда бурчит, что из-за него приходится «крутиться», как она называет свои махинации. А Илонкино образование — это реально неорабство, тут не поспоришь. Сколько вбухали бабла в горное образование, а работает в результате парикмахершей. А куда она пойдет работать? В шахту? Маркшейдером?

... А супруга уже вовсю трещит с Линдой Ивановной, прижав к уху Nokia последней модели. Вот уж где луч света в темном царстве! Эта Линда

Ивановна — замечательная личность, с которой приятельницы крутят шахеры-махеры на фирме по производству пластиковых окон. Таська там — завскладом, а Линда Ивановна (по паспорту Лидия Ивановна) — финансовый директор. Худенькая юркая глиста, вечно в малиновых юбочках и заправленных под пояс просторных блузах с обязательным атрибутом — солдатским ремнем и высокими каблуками. Подружки, мать вашу... Ситуативные. Меняются в зависимости от того, с кем приходится воровать. Ядреный электорат президента Януковича.

— Что там Линда Ивановна? — спросил подчеркнуто-бодрячки. Супруга уже на выходе, мазюкает помадой по губам, как всегда неумело. — Кстати, Света сначала аккуратно обвела бы губы карандашом...

— Вчера купила кухонный гарнитур, *весь день ходила по рукам, всех грузчиков обошла*, и в итоге позвала наших ребят со склада, и они ей затащили. *Она не бездомная пропасть, чтобы всем платить*.

У Линды Ивановны есть две отличительные особенности: несусветный лексикон и невероятная скупость. За эти «*весь день ходила по рукам, всех грузчиков обошла*» любой юморист женился бы на ней, чтобы всегда иметь под рукой кладезь дохода. Супруг Линды Ивановны хорошо рисует и *пишет*

дружеский саржи в обедний перерыв. Хала выцвелых волос, лет под 50, лицо хитренькое как у лисички. Прав Толяныч: с возрастом на физиономии высвечивается все нутро. А какое у него лицо, *by the way?* Стандарт мужской красоты: длинный ровный нос, тонкий у основания и чуть расширенный на кончике, прямые брови, продолговатый овал. Порода! Верхнеднепровско-ильменский антропологический тип.

За годы общения с Линдой Ивановной, он сам перебрал ее лексикон и уже несколько лет успешно им пользовался в качестве сленга.

— Вот скажи, на чем держится наша семья? — спросил, лениво вдавливая рассыпающийся черный хлеб в кусок замороженного белого масла.

— На мне, — парировала супруга, поднаторевшая за годы совместной жизни.

— *He гвозди.* Лучше сказать: на метраже.

— Что еще за метраж?

— Эх ты, мужичка... Но сегодня я добрый. Толяныч считает, что полигамию пора возвращать.

— Шо? Какая такая пигамия?

— Полигамия, темень... Учишь тебя учишь... Жизнь на это положил. Лучшие годы тебе отдал! Это аки многоженство.

— Потому что у нас это будет выглядеть так:

муж перед телевизором валяется и пиво пьет, а три жены работают на шести работах. Сегодня я допоздна... Отгрузок много...

И удалилась.

А это идея!.. Про пиво. В законный выходной можно спокойно поскучать с банкой перед телевизором. Можно даже позвать соседа Лешку. Но с Лешкой — тоскливо... Нет диалога. Тамара и Леха живут этажом ниже. Сошлись два одиночества... А трое рожденных в этом печальной союзе детей тухнут вместе со своими родителями. В прошлом году на 1 Мая все это скучное семейство в полном составе обреченно брело в лес на пикник с корзинками в руках... Нет, лучше не разводить зеленую меланхолию... Обойдемся без Лешки...

Так чем же занять пустые дни? Завести телку? Так на нее деньги нужны, да и хлопотно все это... И не мальчик, чтобы прятаться по подворотням и тайно пробираться на конспиративные квартиры.

А тут еще и ногу подвернул, как назло... Но он не лох какой. Две отдушины в арсенале! Первая — футбол. Как-то в пивбаре судьба столкнула с Сашей Осликовым. Несмотря на смешную фамилию и соответствующее погоняло Ослик — пацан что надо, с некоторыми, так сказать, понятиями. Год назад Ослик нашел за городом заброшенное футбольное поле, и в несколько

субботников ребята навели там порядок и теперь съезжаются два-три раза в неделю погонять мячик. Работает Ослик директором филиала по торговле колбасой, а до этого отбывал службу в армии, где выслужился до майора. Свое «дезертирство» объяснял деморализацией украинских вооруженных сил. Но основным лейтмотивом отставки стал какой-то полковник Марков, который достал Ослика до такой степени, что у того на нервной почве тело покрылось красными пятнами. Причем этот полковник нигде ни одной подписи не поставил и любил перекладывать ответственность на подчиненных. Короче, товарищ по службе, удравший из армии чуток раньше, предложил колбасный филиал, и Ослик быстро согласился, о чем теперь никак не жалеет. На кого Ослик похож? Да как-то никто не вспоминается... Коренастый, невысокий, плотного телосложения... Ходит как бычок, немного нагнувшись. Так вроде хлопец неплохой, но есть четыре пунктика: 1) голосовал за Партию регионов; 2) немного жлобистый; 3) на шее золотая цепь; 4) сторонник смертной казни... Что ж... Ослик — парень простой и хваткий... Из серии ушлых. Такие своего не упустят. Главный принцип — все под себя, все для семьи. Ведь семья, учит общество, это то, ради чего можно и соседа зарезать. Главное, это потом объяснить волшебными словами — «ради семьи». И все рты

закроются. Тебя все поймут. Друга предал? Так это ж ради семьи!.. Подставил сослуживца? Ради семьи! По трупам прошелся? Ради семьи... Живете на откатах? Для семьи!

А вот ему проворности не хватает... И подходили, и приглашали повернуть дельце за спиной начальства, так нет... Кстати, потом тех проворных и увольняли в первую очередь... Или же они существенно продвигались по карьерной лестнице. За примерами далеко ходить не надо. Таська меняет работы строго раз в три года. Проворуется — и ищет другое хлебное место. «Меры не знает», — так о ней отозвалась как-то одна из временных подружек-махинаторш. Умный Толяныч весь этот хмуреж объясняет следующим образом: слишком большая разница в доходах раба и хозяина. В Украине труд стоит копейки, отчего собственники получают сверхдоходы. Вот и пригодилась рабам сноровка, выработавшаяся в советские времена — обманывать, подворовывать, тащить, что плохо лежит. Толяныч как-то ездил во Францию и разговорился там с владельцем пиццерии, который в поварском колпаке накладывал еду в тарелки, как простой смертный. Толяныч от удивления хлебало разинул. А француз рассказал ему, что сам снимает квартиру, потому что не может себе позволить собственную недвижимость. А почему? А потому что вынужден

платить сотрудникам высокую зарплату. Не надо быть великим экономистом, чтобы понимать, что если отдельные лица зарабатывают на энергоносителях миллиарды, то за эти самые энергоносители переплачивают конечные потребители. Вот и вся арифметика. Поэтому Толяныч ненавидел экономику и считал эту науку совершенно притянутой за уши. Никто из «великих» экономистов не предрек ни один кризис, зато когда таковые разразятся, тогда их предсказывают каждый день 10 лет подряд. Поэтому вся эта лабуда с энергоносителями и контрактами — для лохов, то есть для населения, которое если интересуется этим вопросом, то должно спросить, откуда миллиарды. Но на современном этапе развития общества это вопросы в никуда, потому что пропаганда, промывка мозгов и неудачные революции уже сформировали общественное мнение: состоятельные — от Бога, бедные — неудачники.

Толяныча, хотя и со скрипом, удалось приобщить к футболу. После долгих раздумываний Ослик поставил друга-философа на ворота, но даже от воробья там было бы больше пользы. Тогда ребята предложили использовать его в качестве судьи, где кудрявый оказался на своем месте. Нескладный и лохматый, похожий на Мавроди, Толяныч солидно вышагивал за линией поля как

боковой судья и свистел, смешно надувая щеки.

Вторая отдушина — это, естественно, гараж. Но это банально. Левый крайний пенсионер Василь Васильич (отдаленно смахивает на артиста Николая Гринько) так говорит: «Женатый человек первым делом покупает или строит гараж, а холостой обходиться парковкой». Василь Васильич, кстати, тоже имеет историю двух имен. До семи лет пацан благополучно откликался на имя «Колька», пока не пришло время записываться в школу. Открывают учителя метрику и радостно объявляют: «Здравствуй, Василий! В школу значит пришел записываться? Молодец, Васек, щас мы тебя запишем. Садись, Вася, и мамаша твоя пусть присаживается. Какого сынишку, Василия, однако вырастили!». Колька с мамкой и охренели. Какой Вася? Где Вася? А учителя им метрику подсовывают, где черным по зеленому записано «Василий Кальченко». Они — до батьки, а тот ни сном, ни духом. Потом вспомнил: когда в ЗАГСе спросили имя, тот и отозвался своим именем.

Итак, решено. Сначала в гараж, а вечером — на футбол. Пусть вывихнутая на прошлой игре нога еще побаливает, но фан-клуб никто не отменял.

... Со своей Daewoo Lanos SE 1998 года пришлось немало провозиться. Подкрасил маленькие сколы на кузове, по ходу обнаружилось, что шрус с правой стороны на выходе из коробки

передач слегка потный. Немного расстроился, и оставил это дело на потом. А пока покрасил дно и получилось гуд. С плафоном справился минут за 40. Долго подгонял дырку в обивке крыши, чтобы была четко по размеру, да и накосячить боялся. В общем, прокопался целый день. Гараж располагался в частном секторе, утыканном яблонями в цвету. Запахи — одуренные... Еще и озеро рядом... Грех не искупаться, хотя вода еще и холодная. Вылез из речки пятнадцатилетним пацаном! Взбодрился капитально...

И вдруг промелькнула мысль: «Хорошо же жить, мать твою! День удался, а впереди еще и футбол!». Такой длинный день... Как в детстве.

.. На стадионе застал невиданную доселе картину: захеканный Толяныч неуклюже носится по полю, подгоняемый Осликом. Заставили таки чувака выполнять функции арбитра в полном объеме. На бегу Толяныч успевал грозиться переметнуться к каким-то мифическим волейболистам, где он будет комфортно сидеть над сеткой в специальном сидале и свистеть в свисток. Да... Кудрявый четырехглазый дядька, неуклюже передвигающийся по полю среди 15–20 лосей, — зрелище не для слабонервных. Побаиваясь столкновений, арбитр отскакивал от футболистов как мячик и норовил прибиться к краю поля.

— Конь педальный! Куда бьешь,

мать-перемать? — кричит Ослик.

А на воротах — Дима Басня. Еще чуть-чуть и Че Гевара, если без глаз. Потому что глазки Димы всегда бегают, а борода аккуратнейшим образом обстрижена. Работает Басня в Мастерской Сказкотерапии. Нет, не в детском саду. Это такая хрень для взрослых. Кроме того, недавно подвизался на «Скорой сказочной помощи». Пацаны долго дорывались, что вот это уже точно прикол, но оказалось — чистая правда.

Усевшись на лавку, лениво вытащил из упаковки банку пива и приготовился отдыхать. Высеянная недавно трава хорошо взошла и радовала глаз нежным салатным цветом. Только из рассказов Ослика он знал, как происходило благоустройство футбольного поля. Вывезли три грузовика мусора, поставили ворота, а сельсовет даже сетку выделил и лавки для зрителей. Недавно Кислый установил бочку и протянул к колонке шланг, и теперь после игры можно принять душ. Можем, если захотим!

Игра закончена, и свежeweмытые ребята уселись рядом на лавки. Сначала набросились на вратаря. Умудрился пропустить 6 голов! Басня оправдывается: голова перегружена, трудный день выдался. Поступил вызов от одной депрессивной телки. Сначала эта сука увела чужого мужа, а потом выгнала. Но не отпускает, а мотает парню нервы.

«И люблю его, и с ним тяжело», — пыталась объяснить свое состояние. А сейчас мужик как бы вернулся к пациентке, но продолжает, чуть ли не через день, посещать первую семью. «Больная» жаждет стабильности, а ее нет. Отсюда суицидальные настроения. Чувствует себя старушенцией. Опасается одиночества.

— Работает? — спросил Кислый.

— Не-а...

— Понял... Опять Рябой пользовал?

— Ейною родимой...

Курочка Ряба у сказкотерапевта Димы — на все случаи жизни. Когда откупорили по второй банке пива, Ослик поинтересовался, в какой интерпретации была сегодня использована известная птица. Помолчав для пущей видимости, Басня предложил не морочить голову, а самостоятельно переосмыслить его рабочий инструмент — сказку «Курочка Ряба». Ослик как инициатор дебатов взял огонь на себя и осторожно допустил: «Курица — не птица, баба — не человек», чем вызвал нехорошую ухмылку на лице лекаря. Оказалось не все так просто. Оказалось, что если инвариантно субклассифицировать в массе проявлений, исключив из модели алогичность проявлений с изучаемой связью, то Золотое Яйцо — это образ нашей уникально-неповторимой и драгоценной жизни... И вместо того, чтобы беречь

яйцо как инвестицию, дед с бабой кинулись лупить по нему *до упоения*. Потому как по простоте своей видели в яйце не более чем глазунью. Такие вот *недалеко развитые* старики. Если в голове бардак, то внешним силам в виде крохотной мышки несложно довершить начатое стариками неразумное дело. Вывод: цените любую жизнь, даже паршивую, иначе найдутся силы, которые превратят вашу жизнь в руины. А специально для сегодняшней телки Басня слово «жизнь» заменил на «любовь», «семейные отношения» и «здоровье». Потому как в работе использует индивидуальный подход.

Но Курочка Ряба — это полбеда. Гораздо трагичнее дела обстояли с Колобком. Басню понесло и совершенно напрасно. Колобок, оказывается, это просто ... хлеб. Именно так к нему надо относиться, чтобы не травмировать детей. В принципе, призывы объяснять ребятишкам, что Колобка съели как хлеб, на первый взгляд выглядели вполне логично. «Для этого его, собственно, и пекли! — втирал Дима, сверкая махонькими зенками. — Не съели простофили дед с бабой, так слопала хитрая лиса! Парень был обречен изначально. Ведь он — хлеб. Или пирожок, кому что нравится».

И тут наступила неуютная пауза... На Басню уставились пара десятков выпученных глаз.

— Ну ты жжошь... — наконец выдавил из себя Кислый... — ... Я — не подарок, но это даже для меня стресс считать Колобка пирожком. Ну ладно Ряба... Она мне — никто. Но Колобок!.. Низачот тебе, Басня. Колобка в обиду не дам.

Чтобы смягчить обстановку и реабилитироваться, Дима сдуру брякнул:

— Твое подсознание «мыслит» как 3–5 летний ребенок. Твое подсознание — это капризный малыш. Оно делает все наоборот, и если ты защищаешь Колобка, это значит, что ты и сам...

И тут пацаны хором выкрикнули:

— Пирожок!

Кислый аж подскочил. И тут же схватил сказочника за петельки. Пока его оттягивали, он кричал Диме обидные слова:

— Слышь ты, угод тоскливый? Ты тля гундосая, ты мне сейчас своей херней такое сделал! Ну как я дочке буду теперь объяснять: что хер с ним, с Колобком? Что это хлеб, так ты пойдн пожри хлеба, типа сожри Колобка и затихни? Так я ей скажу? Шоб не травмировать?

Ну вот... Кислый, оказывается, примерный семьянин. До сих пор этого никто не знал. Появился ниоткуда. Прибилсь, так сказать... Часто пропускал игры, дисциплинированностью не отличался... И надо же... Раскрылся. И не без

помощи сказкотерапевта Димы, надо признать.

— Тише, тише... — успокаивал Ослик, удерживая Кислого за шиворот своей крепкой волосатой рукой. — Ты учителя не трогай...

Но Басню с кондачка не возьмешь. Хладнокровный профессионал! В качестве домашнего задания поручил всем написать сказку. А Ослик, отряхивая занемевшую руку, зафиксировал:

— А кто придет без сказки, до игры не допускается, но приносит ящик пива.

Когда расходились, он вдруг спросил у Басни:

— Димон, все забываю тебя спросить. А кто, по-твоему, лучший Остап Бендер в кинематографе?

— Миронов, конечно... Он вообще не играл, а кайфовал... Воспарял... «Остапа несло» — это про работу Миронова. Кстати, ты на него немного смахиваешь.

И усевшись в свой серый Chevrolet Suburban, честно заработанный на депрессивных телках, сказкотерапевт укатил в неизвестном направлении.

4

Друг детства — это брат, которого не выбирают. Так жизнь распорядилась. Росли на одной улице, вместе с первых дней жизни.

— Апрель, Толянч, это начало чего-то...

Планы лучше воплощать весной. Впереди — тепло, не пропадешь.

Остались еще места в городе... Эта пельменная чуть ли не единственное немодифицированное с советских времен общественное заведение. Когда-то работал тут недалеко, и с одной, так сказать, коллегой часто прибегал сюда пообедать, а иногда и... поужинать. Пельмени, салат и полграфина водки — что еще надо? Зал небольшой, даже тесноватый, но фантастически уютный. И что тешило душу — неизменный бармен. Кадры надо беречь. На кадрах земля держится. Ведь, черт возьми, приятно, когда бармен, как в американском кино, узнает тебя и интересуется твоей жизнью. Официанты — те еще более симпатичны. В этой пельменной нет подбора по внешним качествам. В прошлый раз обслуживала пожилая женщина, а сегодня — паренек рабочего вида. Но что их всех объединяет, так это естественная доброжелательность, лишенная искусственных улыбок. А этого можно добиться только одним — благоприятной атмосферой за кулисами. Натуральность — фишка данной пельменной, которую, кстати, держат менты.

Наконец, принесли заказ. Друзья с удовольствием хлопнули по рюмке холодной водки, закусывая весенним зеленым салатиком. И

Толяныч, выползая из свойственной ему меланхолии, сел на свой конек — тему неорабства, в частности на одном из его проявлений движении child free. Некие Энтони с Синтией насмотревшись на жизнь своих друзей, решили не обзаводиться потомством. «Мы видели, как они разрываются, чтобы оплатить счета, найти подходящую квартиру или дом, в котором было бы удобно жить всей семье, работают на нелюбимых работах, потому что им необходима медицинская страховка», — объяснила Синтия свой подход.

— Понимаешь, рождением детей ты загоняешь себя в ловушку, — продолжал Толяныч голосом издалека... — Сам знаешь: бесплатно нельзя ни родиться, ни умереть. Дети часто болеют, и ты должен платить за их здоровье. За все платить. И люди и приходят к тому, что в настоящих условиях, чтобы не стать рабами надо просто не попадать в эту ловушку... Некоторые говорят, child free — это отмазка эгоистов. А, по-моему, ребята в чем-то правы... Животные в неволе не размножаются — это факт. А люди не имеют такой способности, но как более интеллектуальные существа, противостоят рабству таким вот образом...

... Сам он в детстве был страшно непосидющим.... Мама так и говорила: «В год как пошел, до сих пор догнать не можем». До того, как

переехать в ту злополучную хрущевку, их семья жила в частном секторе.... С утра чуть протер глаза — и на улицу. А лучшие друзья — это Толяныч (а тогда просто Толян) и Пашка, которого потом на заводе током шибнуло и он преждевременно умер. Толян жил через дорогу, и с ним всегда было интересно. Дружок много читал (особенно исторические книги) и учился играть на баяне. В любую погоду можно было увидеть его нескладную фигуру, томно передвигающуюся с нотами под мышкой в направлении музыкальной школы. Друзья имели общий «секрет» — схованку в лесопосадке за железной дорогой или как говорили по-уличному — «за путями». От несущихся мимо поездов дрожали дома, а хрусталь в серванте брэнчал колокольным звоном, но когда рождаешься под этот грохот, то постепенно к нему привыкаешь. «За путями» когда-то был аккуратный парк с дорожками и лавочками, но потом парк зарос, и среди чащоб образовалось маленькое озеро, за которым друзья соорудили шалашик. Это был их маленький мир, свободный от назиданий и поучений. Сам он был больше по хозяйству: срубить ветки, разжечь костер, накрыть жилище от дождя. Пришлось даже вырыть небольшой погребок, в котором хранили консервы на случай войны и старые потертые книжки. На протяжении теплого времени года Толян часто сбегал «за пути»

читать разные милитаристские книжки, потому что в те времена население находилось под страшным впечатлением Великой мировой. «Мы пережили жуткую войну» — лейтмотив детства и юности. Бабушка часто рассказывала про немцев, как они пришли в село, а отступая, жгли хаты. Но спасли бабушку тоже немцы. Стыдно было даже рассказать кому про такой факт. Когда фашистские захватчики отступали в 1943 году, то к бабушке прибежал один немецкий солдат и закричал: «Матка, шнеллер!» типа тикайте. При этом руками изображал взрыв. Так они спаслись... А другой немец тащил мамину сестру Катю в кусты, но бабушка позвала на помощь хорошего немецкого командира, и тот прибежал и ударил плохого немца пистолетом по голове. С самого детства — война, война, война, которая, казалось, закончилась едва перед его рождением. Только в пятом классе он с удивлением обнаружил, что советский флаг на рейхстаге водрузили за 22 года до его появления на свет Божий.

Глядя на своего друга, рассуждающего на тему неорабства, из памяти неожиданно выплыло... Вечереет, и от косых лучей заходящего солнца шалаш выглядит особенно уютно и по-домашнему. Юный Толян лежит на цветастом толстом покрывале и, как всегда, читает, жмуря слезящиеся глаза. А он пошел за водой к роднику с трофеейной

фляжкой. Были такие раньше, круглые помятые алюминиевые баклаги. Пришлось раза три бегать, пока котелок не наполнился до краев. По дороге вытащил из схрона щепотку чая, сахар и две железные кружки.

Прихлебывая горячий напиток, друг с упоением рассказывал о древнем Риме. Перед глазами проплывали античные люди. История представлялась как сказка с нарисованными героями. Даже Гитлер казался мультипликационным. Сидя на мягкой хвойной подстилке, он думал: как хорошо, что они с Толяном сейчас, здесь и настоящие. А пройдет время... Разве может так случиться, что они, два настоящих человека из плоти и кости, тоже станут мультипликационными?

— А кто тут жил до нас? На ЭТОМ МЕСТЕ? — вдруг захотелось узнать, кто сидел тут, под этой самой сосной, а не где-то там за тридевять земель.

— Скифы, сарматы, готы...

— А какие они были?

...— Да ты меня совсем не слушаешь... — донесся издали охрипший голос вмиг повзрослевшего товарища.

— Слушаю... Ты говорил, что этим людям приклеивают ярлыки, обзывают эгоистами, а они просто не желают размножаться в неволе.

— Что-то ты какой-то смурной последнее время... Что-то дома?

— Да нет... Все в норме... Просто *все, что нужно, я уже, кажется, познал...*

И громко рассмеялся. Даже знакомый бармен оглянулся, но убедившись, что все в порядке, ободряюще улыбнулся... Занавеска цвета спелого абрикоса колыхалась от задувавшего ветра, и ему показалось, что это самая замечательная картина в мире. Был бы художником, обязательно нарисовал бы такой шедевр: просторная комната, развевающаяся от ветра занавеска цвета спелого абрикоса, а у окна пустая колыбель и красивая девушка с длинными черными волосами, кормящая сына грудью.

— Только знаешь, Толяныч, я полжизни отдал бы за сына... — воображаемая занавеска колыхнулась, а девушка с картины откинула назад свои вьющиеся волосы. Малыш еще веселее зачмокал, а потом, оторвавшись от маминой груди, мирно засопел. — Что-то пошло не так... Живу какой-то чужой жизнью. Сына хочу! И всегда хотел. А Таська все бубнила про плохое здоровье. Да у нее здоровье так и *пашет!* Не знаю... Что-то надо менять... А что? На карьеру забил. Хочу простую работу. Хочу как механизм отработать 8 часов и свободен... Устал от чего-то, и не пойму от чего. У тебя два сына, и ты представить не можешь,

какое это счастье. И оба на тебя похожи. А моя дочь — вся в мать. И характером, и обличем...
Всем.

Толяныч только присвистнул. И принялся усердно глотать укусовые пельмени, склонив над тарелкой невытую курчавую голову.

— Лучше бы они на мать были похожи.... Но и тебе еще не поздно... — зыркнул поверх очков. — Найди себе молодую...

— Так я вышел отсюда и сразу нашел!.. Толяныч, ты в этих делах — поц. Ты только теории разводить умеешь. А ведь скоро полтинник!.. Кстати, ответь мне, кто лучший Остап в кинематографе? А то я все забываю тебя спросить...

— Юрский, конечно... Для меня — это Юрский. У его Остапа чувствуется какая-то внутренняя сила бывалого человека... Кстати, скульптурный портрет великого комбинатора в Питере наделен чертами именно Сергея Юрского.

В окне что-то вспыхнуло, как будто НЛО пролетело. Или метеорит.... Проведя небесное светило глазами, снова бросил взгляд на друга. Пресловутое женское воспитание, и результат — налицо.

... Тогда они сидели в схованке и делились своими нехитрыми хлопчачьими тайнами. На улице накрапывал дождь. Крупные капли упруго

застучали по клеенке, накрывавшей убежище, но внутри было сухо и тепло. Тощий нескладный Толян сидел по-турецки на зеленом ветхом покрывале у входа и глупо улыбался.

— Сказать секрет? — вдруг выдохнул, и обычно бледное лицо его неожиданно вспыхнуло жаром.

— Говори...

— А не выдашь?

— Вот...

И он провел большим пальцем по горлу: «Век воли не видать!». Помявшись для вида, Толян торжественно выдал, что у него есть отец. На улице все знали, что мать его, тетя Вера (такая же тощая и нескладная) работала на заводе и с сына своего пылинки сдувала. Но никто на улице не видел ее с животом. Неожиданно куда-то уехав на полгода, тетя Вера вернулась домой с пищащим свертком. Сначала поговаривали, что пацан — из дома ребенка, но со временем эти слухи поутихли, потому что Толька оказался копией своей мамы, такой же белобрысый и тощий. Как-то Толян очередной раз пожаловался матери, что его дразнят безбатченком, а хулиганистый Пашка даже насмешливо утверждал, что его на мусорке нашли, и об этом все знают. Тогда тетя Вера полезла в светлого дерева поеденный шашелью гардероб с зеркалом, и стоя на коленях, долго рылась в

нижнем ящике, где хранилось всякое слежавшееся тряпье. Наконец она вытащила пожелтевшую черно-белую фотографию.

Толян на этом месте и сам порывлся за пазухой и извлек оттуда искомую карточку. С нее смотрел веселый скуластый парень в кепке. Стоя у калитки какого-то дома, и откинув назад голову, парень показывал свои крупные зубы, улыбаясь при этом приятно и искренне. И даже где-то знакомо... И тут мозг пронзила ужасная догадка. Это ж мужика... который ... Ну да! Что живет в конце улицы. Там где трамвай заворачивает. Так вот, там и живет отец Толяныча с женой и двумя дочками.

... И не успели последние капли слепого дождя коснуться травы, как друзья стремглав побежали на улицу Пестеля. Остановились у искомого дома... Из-за ветхого забора виднелась покосившаяся крыша. Найдя неподалеку старое ореховое дерево, хлопцы мигом вскарабкались повыше и принялись наблюдать. Минут через пять из дома вышла немолодая, закутанная платком, женщина и направилась к сараю... Убрав палку, подпиравшую ветхую дверь, она зашла вовнутрь. С ореха улица прекрасно просматривалась, и в каждом появившемся из-за поворота мужике Толя «узнавал» своего отца. Вот уверенно шагает хорошо одетый гражданин. И даже что-то мурлыкает себе под нос. Друзья напряглись...

Иметь такого отца — супер. Нет... Прошагал мимо... Из за угла показался жалкий пьянчуга, и Толян вжался в ветку... А тот как назло неспешно тащится, по-черепашьи передвигая явно больные ноги... И неожиданно остановился у калитки... Потоптался, покачиваясь в разные стороны... Толька побелел и еще крепче уцепился за ветку. Но пьянчужка, слава Богу, поковылял дальше. Друзья уже решили слазить, как вдруг ниоткуда возник высокий мужчина в сером пальто, на голове — шляпа, на носу — старомодные очки в роговой оправе. Уверенно толкнув калитку, зашел во двор. Что-то не совсем похож на весельчака с карточки. Чуть позже в дом проплыла и женщина из сарая в обнимку с дровами.

После недолгого совещания, решили штурмом взять забор. Уже совсем стемнело, с улицы никто не заметит, а из собачьей будки слышен только писк мышей. Занавеска была отдернута лишь на кухне. Семья явно собиралась обедать, и потенциальный Толькин отец тщательно мыл руки в простецком ржавом рукомойнике, стоя спиной к окну. Когда мужчина повернулся, все сомнения улетучились: это был тот самый парень с карточки, только седой и несколько помятый. Толяна затрясло... А отец его завершив гигиенические процедуры, уселся за стол. Тут жена его, немолодая женщина с уставшим изможденным лицом, вышла в другую комнату, а

отец снова встал, потоптался и заглянул в кастрюлю, потом самостоятельно насыпал себе в тарелку какой-то жидкости. Забежала замурзанная белобрысая девочка лет пяти, но покрутившись возле плиты не больше минуты, сразу и выбежала. Отец не обращал на нее ни малейшего внимания, а взяв ложку, принялся как-то совсем уныло хлебать суп. На этом неинтересном месте пришлось оторваться, потому что Толян уже лежал на земле, подвернув под себя коленки. Ухватив друга под мышки, он оттащил его к калитке. Когда Толян немного пришел в себя, друзья поплелись по направлению к дому, как побитые собаки...

На другой день Толян в школе не появился. После уроков сразу побежал к нему домой и обнаружил картину, слезами писанную: на потертом диване лежит тихий и нерадостный Толька, а тетя Вера пытается в него впихнуть какие-то белые пилюли. Поговорить — никак. Но все же, обрадованный, что все не так страшно, оставил другу домашние задания и побежал домой. Маме решил ничего не рассказывать.

Потом у Толяна появился отчим, дядя Боря. Хороший человек, но какой-то вайлакуватый. Руки — крюки, за что ни возьмется, все приходилось переделывать. Любимые занятия отчима — глазеть в телевизор или стучать костяшками домино с соседскими мужиками. Однажды дядя Боря дал

пасынку задание — придумать, как с дивана выключать на ночь телевизор. Долго они тогда ломали голову, но ничего не изобреталось. Ведь чтобы выключить телевизор надо повернуть на нем ручку. Единственный приемлемый вариант — выдергивать шнур из розетки — дядя Боря сразу запорол, потому что на другой телевизор они в жисть не заработают. Да и розетка над головой отсутствовала, а, следовательно, придется переноску тянуть через всю комнату. Не-а. Не катит.

... А занавеска цвета спелого абрикоса все еще заманчиво колыхалась... И повзрослевший Толяныч продолжал что-то рассказывать увлеченно и самозабвенно....

— Что? Какие программы? — очнулся от воспоминаний и тыкнул вилкой в скукоженный пельмень.

— Да нет... Теория программ... Я сам до нее додумался. Никому еще не рассказывал... Это мое ноу-хау...

В эту минуту друг как никогда был похож на своего помятого отца, с которым так никогда в жизни и не познакомился.

— Все, пора... Хорошего понемножку. Потом расскажешь свои байки. А то Таська заругается... Да и ты не сказал, куда пошел...

... В начале лета из охранников его поперли... Что-то где-то кто-то стащил, вскрылись недостатки, неприлично тесная дружба охраны с кассирами, и одним махом заменили всех. Не спасли даже непродолжительные шашни с толстухой Валею.

Неожиданный поворот в судьбе скорее обрадовал. ... ОК... Правда, супруга все чаще возникала, а дочка посматривала исподлобья. Эх, не тянет Илонка на белую кость, и даже имя не спасает. Все попытки предков дать потомство от благородных пошли насмарку... Подвел прадедов... Женился на простолюдинке и все испортил. Но женихов, что интересно, хоть отбавляй. Еще в школьные годы малолетки вечно толклись в прихожей, что Таську несказанно радовало. Этот период жизни ознаменовался частыми бабскими секретничаньями за кухонной дверью и попытками главы семьи заставить выслушать дельные советы. Но мало-помалу остыл. Был бы сын — другое дело, а раз Таська взялась, пусть и доводит все это до ума. Слава Богу, последнее время страсти поутихли, поток к входным дверям иссяк, и что там у дочери на личном фронте — неведомо. Сбегает время от времени на какие-то дискотеки, проводит время в кафе, а с кем, что... Ну и ладно... Меньше знаешь

— крепче спишь. Пусть пока погуляет девчонка... Успеет еще нанянуться с мужем и детьми.

А тут, совершенно неожиданно, выручил Вова Марушак, с которым одно время работали на мебельной фабрике. Встретились случайно в супермаркете: как? что? «Да вот, — говорит Вова, — ищу кандидатуру перегонять моторы от границы к клиенту. Согласен?» Базара нет... «А то, — пояснил Вова, — не могу вырваться в отпуск, шеф требует найти себе замену. Только таким макарон и отпускает».

Солидная фирма откатила по смазанной маслом наклонной немного вверх. Что ж, падать вниз не так легко, как кажется на первый взгляд. В фильме «American beauty» главному герою тоже надоела офисная работа, с которой он сбежал в fast food restaurant, пошантажировав перед увольнением начальника, который выплатил one year's salary with benefits. Легко сценаристам... Недолго думали, как снабдить героя деньгами. Жить-то чуваку надо на что-то ... И прилично жить. Не на зарплату же в fast food restaurant... Вот и нагнули босса, который на прощание выложил герою one year's salary with benefits. Росчерком пера. А на самом деле, нету этой one year's salary with benefits. Нету и все. И взять неоткуда, а значит и все в ихнем кино — туфта. Один раз, в самом начале набрехали сценаристы, и все дальнейшие рассусоливания

потеряли всякий смысл. Потому как не придумай они эту one year's salary with benefits, то это было бы совсем другое кино. Такое, как сейчас у него. А кому интересно смотреть кино про его жизнь? Как проснулся утром, а идти некуда, потому что все водители на шикарной фирме отгуляли свои отпуска и до следующего лета в его услугах не нуждаются. И годовой one year's salary with benefits вытаскивать не из кого, да и не умеет он этого делать.

Не в первый раз накатывает это неприятное чувство ненужности. Вот лежит здоровый мужик целый день на диване, а где-то что-то происходит. Окружающие целый день при делах и всем по фик, всем на него наплевать. Единственная полезная и актуальная фраза из «American beauty»: «I'm looking for the least possible amount of responsibility». Страшно устал от этой responsibility и ищет работу, где ее поменьше. В этом и есть смысл скольжения по наклонной. Просто проверить: до чего можно докатиться? Где крайняя точка падения винтика, выпавшего из системы?...

.... Как-то после многочасового изучения потолка в гостиной (особенно злая в этот день египетская кошка в спальню категорически не пропускала, и каждый раз, когда он приоткрывал дверь, черная сволочь щерилась, сверкая своими зелеными глазищами, и пыталась цапнуть)

почувствовал близкую смерть.

Стало реально страшно... Надо срочно что-то успеть... А что? Что успеть? Допустим, тебе сказали, что через пару недель тебя не станет. Ты вспоминаешь насмарку проведенные десятилетия и понимаешь, что надобно все наверстать за эти 14 дней. А что наверстать? Мысли сквозняком летали по совершенно пустой голове... Категорически ничего не придумывалось... Если даже за эти 14 дней зачать сына, тот проклянет за свою сиротскую долю... Ведь дело не в том, чтобы зачать, а в том, чтобы воспитать... А воспитают из пацана склизняка. Нет. Только не это.

Ничего не придумывалось... А смерть обдавала затылок ледяным дыханием. Мегазадача... Де-ся-ти-ле-тия пустых дней... Перед смертью нечего вспомнить. Не часы же, проведенные в офисе! Не выезды же на шашлыки!.. Не корпоративы же!

Так и промаялся весь день над анализом своей никчемной жизни. А вечером пошло-поехало... Сначала приперлась Бэла (погоняло — Тетя Кошка), единственная константная подружка благоверной. Корефанки уселись на кухне и, попивая дешевый кагор, делились своими бедами. А их со времени последней встречи накопилось немало... «Все ужасно» — вечный лейтмотив бабских посиделок. Тетя Кошка, пышногрудая,

недалеко развитая женщина с раскосыми мигалками, нервно курит, скрестив толстые ноги. Человек всю жизнь занимал какие-то посты: Главным менеджером, Главным экономистом. Кем угодно, но быть Главным — ее кредо. Когда-то обладала шикарным мужем, ни много ни мало — директором метизного завода, которого в определенных кругах кликали Заводчиком. Бэла одно время *потела в поте лица* на этом предприятии Главным Художником — писала плакаты и прочую агитацию. И там же директор запал на ее пышные груди. Как-то даже случилось попасть в этот дом-полную чашу и, надо сказать, Заводчик просто обворожил: веселый остроумный красавец-мужчина, к тому же страшно гостеприимный. После того вечера Тетя Кошка устроила его в отдел снабжения метизного завода. Но даже в те славные времена эта дама ухитрялась всем окружающим жаловаться на свою жизнь, сопровождая речи непрерывным курением и нервным встряхиванием пепла. Лафа завершилась внезапной смертью Заводчика. Впрочем, не совсем и внезапной. Перед грустной кончиной на чувака конкретно наехали и даже выкрали. А потом убили. Так Бэлла осталась вдовой с сыном да еще с двумя племянниками, которых она перед этим взяла на воспитание после смерти сестры. Дальше — по Маршаку. Пытаясь найти сочувствие и помощь,

несчастливая обращалась ко всем знакомым, которые от нее отмахивались, типа «сами еле перебиваемся, а у тебя все прекрасно по сравнению с нами, ведь Заводчик наверняка оставил бабла немерено».

... Последнее время у подружек к лейтмотиву «все ужасно» добавился «а помнишь, как все было хорошо». А что «хорошо»? Еще раз для непонятливых: что было «хорошо»? Гиперинфляция? Дефицит всего и вся? Безработица? Разгул преступности? Далеко не героическая смерть тетикошкиного мужа в 95-ом? Заводчик натурально оставил какое-то бабло и даже квартиру в центре города. Но все это быстро проелось, и бывшая Главная Художница тынялась по городу в поисках работы, пока наконец не устроилась Главным-куда- пошлют в какой-то шарашкиной конторе. Как ее тогда все утешали! Ее всегда надо было обнадеживать, даже когда она процветала с мужем в полном шоколаде. Но сейчас все это преподавалось как цепь постоянных успехов. И Заводчика убили гуманно: человечно выстрелили прямо в висок, чтобы не мучился. И даже не пытали! Хотя Сашку Маркаряна перед тем как прикончить проутюжили как следует. Краем уха из гостиной он уныло выслушивал весь этот бред. Заводчик — с нимбом на голове, тынания забыты. Зашибись! А сейчас — мрак, темень, ужас, беспредел, кровь, кишки, дизастр. От сплошного

негатива затошнило, и пришлось увеличить громкость телевизора. Взрывы, наводнения и пожары выглядели гораздо оптимистичнее, чем стенания закадычных подружек. Но тетки не дремали и переключались в гостиную под предлогом — «на кухне жарко». И тут вскрылась наиглавнейшая текущая проблема Тети Кошки — невозможность устроится Главным. Хотя на бирже ей платили 3000 грн пособия по безработице, но судьба была обязана представить ей работу сегодня и не менее 5000 грн для ее собственного успокоения. Таська из последних сил подбадривала подругу, что было совершенно бесполезным занятием. Тетя Кошка расписывала в подробностях, как она медленно тлеет на мусорке, как она собирает бутылки, выпрашивает в магазинах макулатуру и уже сейчас присматривается к бомжам, примеривая их судьбу на себя. Переколотив всех своих родных и знакомых, толстуха дошла до того, что обзвонила бывших работодателей и чудом оставшихся в живых друзьям Заводчика. Тетя Кошка слишком буквально восприняла советы из инета — уведомить всех знакомых о поисках работы и озадачила каждого конкретным поручением: пойти туда не знаю куда и спросить, нет ли там должности Главного. Или пойти к своему начальнику и потребовать пост командующего.

— Знаешь что... Тетя...Бэлллла... — силы выдерживать весь этот бред исчерпались. — Иди на пляж и читай спокойно книжку — это все, что от тебя сейчас требуется. Размести резюме в интернете и иди. Лето... Солнце нежно сияет... Затихни на время, и все отремонтируется само собой.

— Все это ПРАВИЛЬНО, но...

Еще одна коронка. Произносится напыщенно-торжественно.

— Кстати, а чегой-то это ты меня тетей называешь? Тоже мне племянничек выискался!

— Пардон, Бэлла... Кстати, все забываю тебя спросить: а какой актер лучше всех сыграл Остапа?

— Николай Фоменко! Конечно он! Очень уж весело и задорно сыграл... Правда сама экранизация подкачала ...

Вдруг раздался рингтон, и полногрудая красавица быстро переместилась на балкон, откуда вскоре донеслось: «Ну как дела? А ты покушал? А ты погрел то, что покушал?»

Удобный случай выскользнуть на кухню проворонил, как последний дурак... Тетя Кошка резко ворвалась в комнату:

— Увидела ворону на дереве и вспомнила... Вчера, говорят, летели вороны! Огромная стая ворон! И заклевали человека. Вот что творится!

— И это НОРМАЛЬНО! — подтвердила Таська, потрясая с недавних пор золотистыми

кудряшками.

Пока подруги несли свой обычный бред, таки удалось вырваться на кухню и там лихорадочно набрать Толяна. «Дергай ко мне... Пива выпьем, а то капец ... Пусть знают, что и у меня есть друзья! И что мои друзья тоже вот так могут прийти, когда им вздумается». Но дружбан, промямлив нечто невразумительное о тещиных блинах, замолк. Вот жучара...

— Некомпанейский ты, — бросил в сердцах.

— Какой есть...

Спасение — в интернете. Пробежав глазами новости, вдруг надыбал форум туристов. Вот люди... Ездят себе ничтоже сумняшеся... А куда, интересно? И тут из общей массы всплыло объявление: *«Еду автостопом в Грузию в начале августа 2012 года. Ищу попутчиков. Марианна»*. И рядом: *«Еду автостопом в Турцию в конце августа. Буду рад попутчикам. Опыт автостопа имеется. Шурик»*.

Что за экзотика такая, автостоп? Все равно делать не хрен... И жизнь насмарку... Может, сам Бог подсовывает эти объявления? Полазив по соответствующим сайтам, выяснил, что каждый автостопщик должен иметь палатку, коврик и соответствующее облачение. Да видел он этих балбесов на дороге!.. И, понятное дело, никогда не подбирал. А то еще стукнут по башке, и поминай,

как звали...

Незаметно для себя с интересом углубился в исследование вопроса. Оказалось, стопперы ведут бесконечные споры о том, на фик им все это сдалось, и подавляющее большинство объясняет, что пускаться во все тяжкие их подталкивает желание ИСКАТЬ СЕБЯ... То есть, мир посмотреть — уже не актуально. Все едут именно «ИСКАТЬ СЕБЯ». О результатах поиска сообщают в своих отчетах. Он даже начинал читать какие-то опусы, но быстро уставал от длинных перечислений фактов: сел, пересел, доехал, хелпер Вася, драйвер Ибрагим и т. д.

Сидя на унитазе с сигаретой в зубах и изучая разводы на полу, решил, что весь этот автостоп — это, конечно, ерунда, а вот на море двинуть не помешало бы. Отдохнет, курортный роман опять же подлечит пошатнувшееся душевное состояние. Тут же начал обдумывать сказку по заданию Басни. Зайчиков, лисичек и прочую живность отмел сразу — мы тоже прохаванные, мигом получит клеймо «короеда». Марьюшек и Иванушек — в топку, все они дебилы, и вообще эти сказки эти кацапские, на которых Жора Редькин воспитывался. Что остается?

Как вдруг в мозгу всплыло огненными буквами: «ПАРОВОЗИК, КОТОРЫЙ ВЕРИЛ В СЕБЯ», и Гена Букин с большой книжкой под

мышкой, как Буратино с букварем. И так ему этот паровозик въелся в голову, что ничего другого в голову не лезло. Захотелось смачно послюнить серый грифель и вывести название на белоснежном глянцевоm листе. Выскочив на кухню, нашел в ящике стола химический карандаш, блокнот и — молнией назад в сортир. И там его обволокло вдохновение. Получилось коряво, но Басня предупредил, чтоб за стилистику не волновались, главное — смысл.

...Не успел поставить жирную слюнявую точку, как резко заверещал дверной звонок. Издалека донесся голос Линды Ивановны: у нее страшная *нервостония*, только что была в больнице, где *тараневт* прописал *пилицилин с карболазой*, и порекомендовал записаться *вплавальный бассейн*.

Осторожно приоткрыв двери туалета, выяснил, что бабье расположилось на кухне за закрытыми дверями. А в спальне — злая египетская кошка. Пробравшись на цырлах в гостиную, тихонько-тихонько присел на кресло, как вдруг ... кухонные двери с шумом растворились, и вся гоп-компания переместилась на диван под предлогом «в кухне жарко». Минут пять тетки шумно переговаривались над его головой, а глава семьи, прикрывая корпусом блокнот, внезапно возжелал убить Ослика с его дурацкой затеей.

Троица продолжала безостановочно тарыхтеть, нагнетая обстановку и рассказывая друг другу очередные страшилки про то, как кто-то умер на операционном столе, а кто-то, разгребая снег. Соревнование «Чья история жутче» казалось, никогда не закончится. Спасибо Линде Ивановне — перевела разговор на свою очередную манечку: писание посланий в Верховную раду и лично Наталье Витренко, которая, безусловно, их читает.

— Понимаете, эта Витренко, *с пеной в руках доказывала*, что акция «Моржи Украины за мир в Сирии» — ее идея. А перед этим я отправила ей целую эпистолау на эту тему! И вот я, *шикарно оплеванная*, сижу перед экраном и слушаю свои же письма! *Мои глаза растерялись* от этой наглости!

Оставалось только скучно размышлять, как докатился до такой жизни... Толяныч все объясняет комплексами. Откуда? Из детства? Так нормальное ж было детство. Как у всех... Ну, бывал отец строг... Случалось, и к ремню прикладывался. Но все в рамках приличия! Вот надо бы сейчас набраться духу и вышвырнуть эту невменяемую компанию к чертовой матери. Но он этого не сделает... А был бы на его месте нормальный мужик, тот бы выгнал. Ослик наверняка вытурил бы. О Кислом и базара нет. Порог Кислого эти об стенку ушибленные дуры даже переступить

побоялись бы.

В конце концов, под шумок удалось проскользнуть в кухню, к спасительному ноутбуку. И после долгих сомнений, наконец-то вымучились письма к Марианне и Шурику. Кто-то да ответит, а там видно будет... Не успел нажать кнопку «Отправить», как в коридоре вырисовался силуэт Линды Ивановны. Согнувшись в три погибели, дама нервно колупалась в своей сверкающей искусственными стразами торбе.

— *Сумка стала некультурная, журналы перевернулись* , — пожаловалась гостя, качая выжженной халой.

— Лидия Ивановна, все забываю вас спросить...

— Что? Спросить? Что спросить? — закудаhtала старая кокетка, польщенная высочайшим вниманием.

— А кто, по-вашему, лучший Остап в кинематографе?

— О! Надо подумать.... Сижу на стульчике, это — Сергей Крылов. Мой любимый размер! И вообще *как мужчина, я ему симпатизирую*.

— Премного благодарен ... Вы — прелесть...

Растроганный, даже галантно обцеловал сухую морщинистую руку этой мечты юмориста. — Без вас мир был бы *тускный* . Ну вы меня понимаете...

— *Спасибо* стаканом не нальешь... —
лукаво блеснула хитрыми глазками Линда
Ивановна.

6

Родственники... Что это такое? По идее, родные люди, данные тебе Богом, и которых не выбирают в отличие от прочих. Мудрые дяди и тети, подсказывающие как жить, помогающие стать на ноги и в трудных ситуациях. Добрые бабушки, строгие дедушки...

И у него есть родня. Правда, мало кто их них помог советом, не говоря о чем-то большем. Но даже такая родня с годами не увеличивается. Одни сами по себе отпали, другие померли, третьи неизвестно куда канули. Чтобы семья росла, нужно, чтобы дети и племянники женились. А в их семье выбывающие преобладают. В итоге — грустная статистика. И сейчас после дочери самый родной человек — племянница, которую решил навестить перед футболом. Та жутко обрадовалась. Еще бы! Обычно дядя не баловал даже звонками, а тут самолично заявился.

Машка быстро организовала кофе со свежесдобитыми пирожками и принялась увлеченно рассказывать о том, как месяц назад она покупала небольшой обувной магазинчик на

центральном рынке. Правда, как бы спохватившись, тут же добавила, что покупателей пока немного, и торговля идет из рук вон плохо... А Генка вчера подвернул ногу, видишь, прихрамывает? А еще у папы со здоровьем не очень. Поджелудочная... Может даже придется делать операцию. Где на все набраться денег? Одни проблемы, одни проблемы...

Красивая пара, Гена и Маша. Да и живут, не бедствуют. Недавно купили эту трешку и потихоньку в ней обживают. В комнатах пока все ободрано, но кухня, туалет и ванная — все по последней т. н. евроремонтной моде. Генка — немногословный крепыш среднего роста, ежик на голове, взгляд — цепкий. В прихожей встретил сдержанно, как бы глазами спрашивая о цели прихода. О! Этот взгляд нам знаком. И песня ведома... Покупателей нет, а за квартиру штук 60 баксов отвалили. Опять же рабочие работают... Может, шантажировали кого? Может кто-то им выплатил *one year's salary with benefits*? Ну да ладно, что придираешься? Живут себе и хорошо... Родственники все-таки, а за них следует радоваться. Машка — вся из себя светлячок, всегда с улыбкой, приветливая... И, откидывая длинную челку со лба, не забывает посетовать, как редко дядя навещается в гости. Затем ловким движением вытаскивает противень из духовки и подкладывает

на широкую тарелку два коричневых горячих пирожка.

— Я знаю, ты любишь поджаристые.

Высокая, стройная, хозяйственная... Похожа на Марию Миронову. Повезло Генке — так повезло... А племяшка увлеченно, почти захлебываясь от счастья, тарыхтит о грядущем концерте Стаса Михайлова. Окружающие его бабы просто свихнулись на нем. Как-то Таська на полном серьезе рассуждала с Тетей Кошкой о творчестве этого сладкоголосого кота, как будто бы это был какой-нибудь Мик Джаггер. «Ты знаешь, Стас выпустил новый альбом!». — «Что ты говоришь? А я слышала, что ему присвоили почетное звание «Заслуженный артист России!» — «Он заслужил, он заслужил ...».

И пока Генка на балконе гремит досками, нельзя не воспользоваться удобным моментом...

— Машуня... — с пирожком во рту трудно говорить, но нужно. — Тут такое дело... Квартира наша... Ну хрущевка... Такая у меня сейчас ситуация по жизни... Хочу пожить отдельно какое-то время. Может полгода, год... Не знаю еще... Можешь ключи дать?

Подпирая щеку сжатыми в кулак пальцами и сощурив глаза, племянница рассеянно смотрит куда-то вдаль. При этом лицо ее освещает лучезарнейшая улыбка.

— Но папа собирается туда пока пустить квартирантов... — протянула в ответ кому-то в окно.

Гром среди... Нет, не «ясного неба». От Редькина вполне ожидаемо...

— Там долги по квартире... Кто их будет погашать?... Ты? — объяснила, заботливо подсовывая пирожки теперь уже с вишнями.

— Долги? Какие долги? Почему долги?

— Ты прекрасно знаешь, что твоя сестра последние два года не работала...

— Моя сестра? А евроремонт?... Разве вы бедные? Сколько там тех долгов? Может, и я частично как-то помог бы их погашать... Я бы платил коммунальные... Вы же ничего про это не говорили!

— Коммунальные? — залиvisto рассмеялась Машуня, рассыпая по кухне серебряные колокольчики с горловыми вкраплениями. — Коммунальные? Ха-ха-ха-ха-ха!

— Ты сказала «пока»...

— Что «пока»?

— «..пока пустить квартирантов»...

— А... потом продадим.

— Продадите? Зачем? Но я не хочу, чтобы ее продавали! Или со мной уже никто не считается?

Девушка думала, кажется, совсем о другом, не забывая, впрочем, ослеплять лучистой улыбкой

того, кто смотрел на нее из окна.

— Кстати, там остались какие-то старые вещи, фотографии. Можешь забрать.

И не дожидаясь реакции, цепко ухватила в свой мобильный и набрала отца. Тот отреагировал в мгновение ока.

— Сказал: «Ждите, через час буду», — очаровательно засияла ровными белоснежными зубами Маша, элегантно расположив телефон на спинке дивана.

... С тяжелым сердцем переступал порог ба́тьківщини. Вот — кухонное окно, у которого сестра просиживала последние годы. На дверях — облупленная коричневая краска, но в туалете уже сияют родственной улыбкой новехонький унитаз, в ванной блестит раковина, а на кухне — недавно установленные пластиковые трубы и бак нагрева воды. Жорик времени не терял и уже основательно тут похозяйничал. О да!.. Жорик — молодец. Своего не упустит.

А в комнатах на удивление просторно. На журнальном столике — потрепанные журналы с кроссвордами, которыми покойная заполняла пустые вечера... Затертый ковер на полу, впрочем, тоже сиял, правда, лысыми пятнами. С антресолей вывалился облезлый коричневый чемоданчик с фотографиями.

— Забирай все! — слышался голос

Редькина, который все время крутится где-то рядом. Хотя и знает, что брать нечего, но присматривает. И попутно держит под наблюдением настроение шурина. Ведь пикантность ситуации заключается в том, что в этой квартире вырос не Жорик. В ордере на получение этой квартиры Редькиным и не пахло. Другой мальчик ходил в школу, гулял в этих дворах, гонял на велике по этим улицам, бегал в клуб ДТС смотреть кино за 10 копеек и покупал в продуктовом на Косиора шоколадное эскимо... А теперь какой-то кацап всем этим распоряжается и милостиво разрешает забрать фотографии.

Под «ВСЕ» подразумевается — это и те фотки, где маленькая Машка сидит на плечах любимого дяди. Для законных наследников все это теперь не представляет никакой ценности. Беспольное барахло.

Зять, стоя в дверях, изображает радушного земноводного.

— Кстати, сколько лет ты тут прожил? — кинул как бы, между прочим.

— Десять или одиннадцать, кажется...

— А я двадцать! — отрезал Жорик и выскочил на кухню.

Месседж... Они все время кидают ему месседжи. «Твоя сестра не платила коммунальные... Мы все не здоровы... Ты тут мало

прожил... Ты редко навещался к сестре... Мало покупателей... Торговля не идет...».

... А вот и бубен... У отца была туча всяких племянников, и когда те сплошняком ломанулись под венец, батька купил эту бубну и разъезжал с ней по свадьбам. Красный, как будто вчера выкрашенный обруч, металлические колокольчики... А внутри — чернильный полустершийся штампик: «Арт. 617 Цена — 12–50». Удар по кожаной мембране вылился в чистый глухой звук... Беспомощно сунув бубен под мышку, он оглянулся. Что еще? На серванте — листок бумаги, на котором круглым почерком, к которому привык с детства, было что-то написано. Отставил листок подальше от глаз и прочитал:

Благословен Бог наш,
Всегда и ныне и присно, и
Вовеки веков — Аминь —
Слава тебе Боже наш,
Слава тебе, Царю небесному
Утешителю Души истіны, и
Живи здеси, и вся исполнясь
Сокровища благих и жизнеподателю
Приди, и вселися, и очистися от
Всякое скверны и спаси
Блаже душа наше
Святыи Боже, Святыи крепкий

Святый Бессмертный помилуй
Нас (3 раза)
Слава Отцу и Сыну и святому
Духу, и ныне и присно, и
Во веки веков
Аминь

На обратной стороне — «Отче наш»... Сердце
сжалось ... Сеструха всегда молилась на ночь. За
всех. Говорила, что просит у Бога благословения на
всю семью. Сама далеко не святая, иногда казалось,
черт в ней поселился, но кто знает? Может,
мучилась сама с собой? Не успел тихонько сунуть
листок с молитвой в карман, как в комнату вплыла
Машка со шкатулкой в руках.

— Вот, в мешке с мусором нашла.

Деревянная коричневая резная шкатулка,
подарок отца. Сверху пейзаж — одинокая зеленая
сосна среди елочек, а внутри, на крышке
чернильной ручкой надпись:

Дорогая Жена!

Поздравляю тебя с праздником 8-ое Марта
Желаю счастья и здоровья на долгие лета
1970 г. Коля, дочь Лариса и син Максим

Зять быстрым шагом пробежал в спальню, и
его радостное нетерпение показывало, как счастлив

рептилоид расставить все точки над *i*. Чувак даже не скрывает свое ликование. Но не преминул поплакаться лишний раз. «Долги от ТВОЕЙ сестрицы остались...», — резануло слух. Жорик обиженно пожаловался на Ларису, которая последние два года своей жизни доставила ему немало хлопот. Вместо того, чтобы предаваться радостям семейной жизни с молодой, приходилось привозить бывшей еду и приглядывать за квартирой...

Машка суетливо переставляет какие-то фигурки на серванте, и все ее движения так торопливы и так суетны... «10 мешков барахла выбросили!» — пожаловалась снова, и как бы опять между прочим.

... Стоя в прихожей с бубном в руках, он вглядывался в свою когда-то родную племянницу, сияющую чистыми от замороженными глазами.

М-да... А с виду — благородная мечтательница... Не от мира сего... Фантазерка-утопистка, мать твою... Но своего не упустит... Нет... И чтобы добраться до остатков совести бросил, усмехнувшись, и как бы даже весело:

— Очередное наследство!.. Теперь бубна... Баян дяди Степы — на антресолях, теперь бубна рядом... Хоть ансамбль создавай! Народно-наследственный ансамбль. Чувствую себя

прямым котом в сапогах.

Машка отстраненно-радостно кивнула, полностью абстрагируясь от намека. И широко улыбнулась, утвердительно потряхивая головой.

— ... А теперь вот бубна, — повторил в пустоту теперь уже более настойчиво. — И я как кот...

Пора или морду бить или высказать, все, что думаешь и прощаться навеки. Но чего добьешься мордобоем? Юридически на эту квартиру прав нет, а взывать к совести бесполезно. Ладно, пусть подавятся... Пусть тупо подавятся.

А Редькин вдруг картинно схватился за бок...

— Что-то здоровье... пошаливает... — пояснил, скривившись.

— Да, папа очень переживал. Папа, береги себя, — подключилась заботливая дочь. — А ты поедешь с нами на кладбище? Папа каждую субботу туда ездит, памятник еще рано... А я в церковь хожу, свечки ставлю за упокой.... И за живых.... И за тебя молюсь тоже...

— Та да... Эх, Лариска!!! Лучше бы ты была жива, и я бы к тебе ходил, еду бы тебе носил! — насили сдерживая слезы, возопил Редькин, как будто это не он пять минут назад жаловался, как бывшая жена отравляла последние годы его жизни.

С прижатым к груди очередным наследственно-музыкальным инструментом шагнул

через порог...

И тут резко захотелось к каким-то реальным людям: Ослику, Василь Васильичу... И даже приклатненный Кислый показался всамделишным...

Убрав руку со своего бока, Жорик суетливо поправил коврик под ногами, объясняя, что ему надо тут задержаться и навести порядок.

— Ты нас не забывай!.. — бросил на прощание.

А вся из себя воздушная Машка, такая незащищенная, такая эфирная, попросила подбросить до дома, и уже в машине, уютившись на переднем сидении, сразу предложила помощь.

— Кстати, если тебе так припекло, то у меня соседка сдает квартиру за 2000 грн.

— Так я не претендовал... Понятно, юридически я потерял все права на эту квартиру, когда 20 лет назад выписался из нее... Но я думал, по-родственному...

— Извини, — холодно отрезала племянница. — Ты — взрослый мужчина и способен заработать на съемную квартиру. Не хватает одной зарплаты, ищи вторую работу.

— Маша, милая, — в боковом зеркале виднелись тонко поджатые губы. Худенькая, просто прозрачная... С виду ничего земного. В принципе до этого дня она так себя и позиционировала.

Всегда жаловалась, что этот базар — не ее, что создана для другой жизни. — А спроси папу, почему он в свое время не пошел снимать квартиру, когда они с мамой поженились?... Спроси, почему он даже малосемейкой побрезговал? А прописался именно в эту квартиру... Подослал твою дуру-мать к бабушке и вписался. Почему? Ведь если бы они тогда ушли в малосемейку, бабушка не уехала бы в село, а осталась бы жить здесь... Они ее естественно выжили! И сейчас эта квартира юридически бы делилась на две части: мою и твоей мамы. И ты прекрасно знаешь, если бы случилась обратная ситуация, тебе бы и просить не пришлось. Я сам отдал бы тебе ключи и сказал: «Живи, Машуня, сколько надо». Оплачивай коммунальные и живи.

— Если бы да кабы... Я еще поговорю с отцом, но ничего не обещаю. Папа твердо решил квартиру продать и жить на проценты. Ты видишь, как здоровье у него пошатнулось. У меня фактически старик-отец на плечах. И вообще... Ты пойдешь туда жить после всего, что там было? После того, как на том диване умерла твоя сестра? Сидя?!!!

Дальнейший диалог не имел смысла... Выходя из машины, Машка вернула на свою физиономию стандартную улыбку торгового работника эры капитализма и прожурчала:

— Пока!.. Ты не пропадай там...

— Подожди... Все забываю спросить: какой актер, по-твоему, лучше всего сыграл Остапа?

— Ты что, забыл, что Меньшиков мой любимый актер? — надула тонкие губы племяшка. — Ну и дядя... Конечно, Меньшиков. Он просто создан для того, чтобы воплотить этот образ! А зачем это тебе?

.... Футбол скрасил ситуацию. Бегая по полю в окружении заправдашних людей, немного пришел в себя. И хотя пасовали ему не часто, а сам он как всегда передерживал мяч, но гол все-таки забил. И даже два. Первый раз пробил по воротам со штрафного, и Басне ничего не оставалось, как пропустить мяч под собой, а второй раз, получив пас от Ослика на достаточно удобной позиции для удара, решил сначала улучшить позицию. И вроде бы момент уже был упущен, когда пробил, но Басня с прыжком опоздал, и мяч нырнул аккурат в угол ворот.

Сегодня, на удивление, явился Толяныч... В последнее время дружан редко показывался, и это уже начинало напрягать. Постоянно какие-то тупые отмазки: то к теще, то кран прорвало (как будто он умел его чинить), то сына на танцы, то на кружок, то на еще какую-то хрень. А последнее время новая беда: младший Валерка увлекся вырезанием из дерева каких-то фигурок. Уже весь дом утопал в бесполезных деревяшках... Но Сонькой все это

преподавалось, как нечто гениальное. «Это не потому, что мой сын, — вторил Толяныч понятно кому. — Его надо развивать». А что развивать? Если есть охота — дай дерево и пусть себе развивается. Но Соня уже организовала на телевидении ряд передач по всем местным каналам, как необыкновенный мальчик создает долбанные фигурки. Сама Соня сидела на этих передачах рядом с сыном как круглая светящаяся луна, и по ее лицу было видно, что мальчик ей до *лампочкиной грамоты*, а главный персонаж на экране — это она сама. Валерку было даже жалко. В принципе неплохой мальчуган, но с довлеющей над ним мамашей и слабовольным папашей, добром все это не закончится.

... После игры под общий смех стали зачитывать сказки. Сначала Ослик пафосно проговорил нечто оптимистичное про бравого Солдата, который защищал землю от пришельцев, но потом захворал и, в конце концов, женился на дочке маршала и сам со временем выслужился до генерала. Ну, это понятно... Никто не сомневался в военной тематике отставного майора. Басня профессионально объяснил: Ослик очень болезненно перенес уход из армии. Мечта сделать военную карьеру рушилась, а супруга, видать, уже видела себя генеральшей. Но ничего... Ослик — парень хваткий, заведет свой бизнес, и все у него

будет тип-топ.

Удивил Кислый... Все ожидали нечто с матами-перематами, но тот вдруг выдал трактат «Колобок — не хлеб». Типа, если есть душа, то это уже личность. Если у кого-то хватает ума смыться от стольких персонажей, то за это ему респект и уважуха. А если такого чувака рассматривать как хлеб или пирожок, то и все мы тогда — это просто куски мяса и пусть нас едят волки с медведями. Не жалко. А Колобок — персонаж... Тут Кислый запнулся... Потом плюнул, нервно ткнул свой листочек Басне прямо в грудь и уселся на свое место. Такой обидчивый оказался... Учитель опять вполне выкрутился. Учитель сказал: «Это даже хорошо, что Кислый кинулся защищать Колобка. Это значит, что все лучшее у него впереди».

Толяныч зачитал сказку про Буратино, который самовырезался. Самовырезался, самовырезался и самовырезался. Пока другие бубнели свои опусы, пиво дало расслабон, и вся эта затея уже выглядела довольно прилично. Раздражал только Толяныч, гнусаво жалующийся на ухо, что Валерку не пропускают на телевидение. «Талант зажимают, не дают развиваться».

— Но ведь вы уже пробежались по всем каналам. Сколько можно?

Но зазомбированного Толяныча с кондачка не возьмешь.

— Соня говорит, надо регулярно на экране мелькать... Для раскрутки. Ты не понимаешь... Мы уже попали в Книгу рекордов Гиннеса Украины, как самый маленький мальчик, вырезающий фигурки.

И тут Басня вызвал его самого... Прохрипев от волнения, банально откашлялся и с выражением объявил:

Паровозик, который искал себя

«Жил был Паровозик. Всю свою жизнь он возил людей по Северной ЖД куда им там надо было. И вот в один прекрасный день Паровозу до хрена надоела вся эта бодяга. Пассажиры ведь неблагодарные: ссут в тамбурах, разрисовывают скамейки, вырезают матерные слова, ездят зайцами.

Паровозик чувствовал, что это не его дорога, что он способен на большее. Он тысячу раз говорил Диспетчеру, чтобы ему сменили маршрут, что ему надоело то же самое столько лет. Но Диспетчеру было по хрен. Все Стрелки он знал наизусть, они ему осточертели своим дурацким морганием и желанием затянуть на свою линию. «Не хочешь — найдем другой Паровозик, вон сколько в депо стоит, ждут своей очереди», — ответил Диспетчер в грубой форме. — А Крюковка работает в три смены — ты бы видел, сколько их в депо собралось, свежевыкрашенных и после капремонта. А будешь возникать — отправим в топку,

потому что капремонт тебя не спасет». Но Паровозик на самом деле не считал, что ему нужен капремонт. Ну там подкрасить, смазать. Не более... Фары горят, а в душе — как будто вчера с завода выехал.

Короче, вся эта лабуда ему так остогыдла, а в особенности даже не Диспетчер, а все эти гребаные Пассажиры, которые реально задрали. Он уже закрывал глаза, чтобы не видеть деревьев и станции, которые знал наизусть, не видеть этих ленивых обкуренных Пассажиров.

И вот решился. И сошел с рельс... И свернул. Как это ему удалось? Долго наблюдая за Стрелкой-8, наш Паровозик заметил, что она ему симпатизирует. Месяца два перед этим он ей подмигивал, а перед решающим рывком даже цветы выбросил из окна. И в подходящий момент рванул! И поехал! Как радостно было лететь вперед как на крыльях! Но и боязно... Двигатель чуть не заглох от волнения. Все ново, другие станции, а главное — другие Пассажиры! Оказалось, что Пассажиры тоже могут быть другими. Они не ссали в тамбурах, платили за проезд как положено. Вот его место! А ему столько лет лепили горбатого! Диспетчер впаривала, что все Пассажиры одинаковые. Но это была ахинея чистой воды!

Его остановили... И вернули на старый маршрут. А Стрелку-8 отправили на переплавку...».

Ребята приуныли... Ха! Думаете все так пессимистично? Думаете, вся эта хрень написала под негативным влиянием Тети Кошки? Ну нет...

Не дождетесь...

«... Однажды на Паровозик напала стая ворон. Он отбивался, как мог, включил пар, скорость. Как вдруг заметил, что недавно поставленная Стрелка-25 переключилась и ласково подмигнула ему. Это была новая стрелка, она походу не ведала о печальной судьбе Стрелки-8. Милая новая Стрелка-25 и даже пахнувшая свежей смазкой. Моргнула так обнадеживающе... Это были такое условные знаки. Моргнешь два раза — спасибо. Один раз — предупреждение, что впереди инспектор своим прибором проверяет твои мысли, не хочешь ли ты свернуть, куда не положено.

И отбиваясь от черных ужасных ворон, Паровозик свернул. Пан или пропал! Главное — добраться до Главной Стрелки. Лучшие на переплавку, чем такая житуха! Ему подмигнули, что впереди зеленая дорога. И он успел... И вырвался на другую, Западную ЖД! Там его подкрасили и оставили. Начальник депо договорился. Паровозик нашел себя, в конце концов. Он нашел друзей, таких самых Паровозиков, а главное — Пассажиров, которые его не обрисовывали, не совали мусор в щели, не ссали в тамбурах, не вырезали матерные слова на скамейках».

Воцарилась абсолютная тишина...

В полукорейских глазах Кислого мелькнуло любопытство, а Василь Васильич задумчиво пощипывал подбородок.

— Ты куда намылился? — спросил Ослик

хитро.

— Не знаю... В Крым, может... С палаткой.

— Валяй, — одобрил Басня. — Мне тут добавить нечего.

— Тебя на Рябу не возьмешь, — согласился Кислый. — Дуй, брателло... Нормальная тема...

— Успехов, — пробурчал Василь Васильич, а на прощание отвел его в сторону и прошептал. — Кстати, ты меня почему-то не спрашиваешь, но я тебе скажу так: лучший Остап всех времен и народов — это Игорь Горбачев. Был такой телеспектакль... Давно... Еще в 1966...

... Домой подбросил Ослик. От успеха и теплого салона победитель конкурса сказок совсем расквасился и неожиданно для себя поделился своими бедами... Несостоявшийся генерал, впрочем, сразу же предложил помощь. У него от бабушки жены осталась квартира, ожидающая совершеннолетия дочерей.

— На каких условиях?

— Та какие условия?... Коммунальные оплачивай и порядок поддерживай. Можешь косметический ремонт какой сделать.

— Лады... Приеду с Крыма — побазарим. Кстати, Саня, так кто все-таки лучший Остап, все забываю тебя спросить?

— Не знаю... Вообще-то я тут видел кино... Делиев его играет... Немецкий фильм, мне

понравилось... Так, знаешь, гротескно... Такой Остап получился лиричный... мягкий... не такой нахальный, как мы к нему привыкли. Даже какое-то сострадание к нему испытываешь...

Пожав Ослику на прощание руку, он тут же ощутил стойкое отсутствие желания оказаться в египетских объятиях. Теплый июльский вечер, детишки на детской площадке колупаются. Еще мамы не горланят «Вла-а-а-дик, домой! Па-а-а-а-ша, домой!» а взрослому мужику — в душную квартиру в плен к египетской кошке?

На душе — как в бочке с капустой. Захотелось куда-то податься, с кем-то отвести душу... Пообщаться, обсудить свои дела, рассказать о своих планах... И потоптавшись минут десять у подъезда, с тоской взглянул на свои наглухо закрытые окна и вдруг вспомнил, что бабы его сегодня празднуют день рождения Линды Ивановны и вернутся поздно.

Все. Надоело... Набрядло воевать с глиняной кошкой, приелся телевизор...

К черту кухня с канареечными занавесками...

И развернувшись на 180 градусов, со слегка склоненной набок головой, руки-в-брюки, засеменил в близлежащее кафе «Элит» на берегу канала. Общественное заведение интерьером не порадовало: дурацкие пузатые круглые диваны, декорированные фиолетовыми балдахинами,

нагнетали тоску. Сквозняком пробежал на летнюю террасу, где с точностью наоборот царила казарменная простота — безвкусные пластмассовые стулья, некрашенные деревянные столы, да и остальное — без изысков. Выбрав свободный столик непосредственно над водой, заказал пластиковому официанту с деревянным, ничего не выражающим лицом, 100 грамм коньяка и off-майонез салат «Под водочку».

Развалившись на жестком стуле с сигаретой в зубах, устремил свой взгляд на противоположный берег, где оставшиеся пляжники нежились под последними лучами заходящего солнца. На душе все было неясно, смутно и расплывчато.

Наконец официант принес заказ и негнушимися руками аккуратно выставил на стол графин коньяка и тарелку с салатом. После первого же огненного глотка стала вырисоваться общая картина бытия. Кому звонить? Кто из друзей-товарищей сорвется и примчится поддержать компанию? Рассмотрелся вокруг. За соседним столиком справа на фиолетовой паркетной лавке расположились молодые ребята лет тридцати, по виду работяги. Двое из них (одетые в короткие темно-синие шорты из сатина) — достаточно невыразительны и довольно помяты. Третий выделялся жестким взглядом. Свернутый боксерский нос, но одет чисто. Как

только вчера с магазина — джинсовые бриджи casual, модная футболка. И аккуратно стриженный в отличие от своих товарищей с невымытыми и давно нечесаными шевелюрами. «А не надо говорить, что ты ко мне за болгаркой пошел! Надо было просто сказать, что ты идешь ко мне», — хлестко и с оттенком презрения бросил боксер своему пожеванному товарищу.

За столиком слева — девушка. Совсем одна. Вероятно, ждет, когда к ней подсядут. Мятые товарищи изредка бросают ленивый взгляд в ее сторону в ожидании привычной инициативы в виде моргания или чего-то в этом роде. Девушка не очень красивая. Совсем простенькая... Бесцветная моль, а туда же... Зыркнула остороженько из-под коротких ресничек в сторону лорда и вздохнула легонько....

Нет. Не жди... Лорд не подсядет. И не подмигнет... Даже после полграфина коньяка. Рабоче-крестьянских историй наслушался предостаточно. Время жалости к невыразительным дурнушкам позади. Время стать переборчивым...

И перевел взгляд на восхитительный закат... Облака плотно сосредоточились на месте захода солнца, и по верхушкам темно-зеленой массы на горизонте сочно блестела оранжевая полоска, через которую проникали багряные лучи, бледневшие и распылявшиеся к краям.